

**Журнал
НАУЧНАЯ ПЛАТФОРМА
«XXI ВЕК»**

THE JOURNAL
SCIENTIFIC PLATFORM XXI CENTURY

<https://episs.ru>

Свидетельство регистрации СМИ
Эл № ФС77-87449

№6

сентябрь

2025

Россия, Санкт-Петербург

Журнал НАУЧНАЯ ПЛАТФОРМА «XXI ВЕК»

THE JOURNAL

"SCIENTIFIC PLATFORM "XXI CENTURY"

ISSN 3033-7666 (Print)

ISSN 3033-7674 (Online)

№ 6, сентябрь 2025 года

<https://episs.ru>

**СВИДЕТЕЛЬСТВО ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ПО НАДЗОРУ В СФЕРЕ СВЯЗИ,
ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ (РОСКОМНАДЗОР)
Эл № ФС77-87449**

ЭЛЕКТРОННОЕ ПЕРИОДИЧЕСКОЕ НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, РОССИЯ)

16+

Журнал зарегистрирован и издается в России
В журнале публикуются статьи по всем научным областям
Журнал издаётся на русском и английском языках
Все статьи рецензируются
Свободный доступ к электронной версии журнала
Отправляя статью в редакцию, Автор подтверждает её уникальность и несёт за неё
полную ответственность

Редколлегия

Главный редактор

Воронцов Владимир Валентинович

Выпускающий редактор

Иванов Максим Дмитриевич

Ответственный секретарь

Холманских Мария Викторовна

Рецензенты

Пырх Андрей Иванович,

к.ю.н., Санкт-Петербургский государственный университет

Димитриенко Андрей Игоревич,

к.м.н., Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет имени
академика И.П. Павлова

Контакты

✉ 190031, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Казанская, д. 35, лит. А, кв. 15

☎ +7 931 712-95-96

✉ nxxivek@inbox.ru

Содержание

Contents

Изображение на обложках сгенерировано LLM GPT-5, авторские права принадлежат: Адель Кильдеев © 2025, Adel Kildeev © 2025, разрешение автора на использование изображений журналом получено.

Кильдеев Адель Ханяфиевич. Искусственный Интеллект - раб лампы3

Kildeev Adel. Artificial Intelligence-slave of the lamp.....3

Кораблин Андрей Владимирович.

Понятие «справедливости и несправедливости» в модели конфликтной ситуации.....35

Korablin Andrey Vladimirovich. The concept of “justice and injustice” in the model of a conflict situation.....35

УДК: 347.73

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ - РАБ ЛАМПЫ

Кильдеев Адель Ханяфиевич

Ленинградский государственный университет им. А.А. Жданова (1990)

Кандидат юридических наук

ORCID: 0009-0001-2211-4944

Аннотация: Статья «Искусственный интеллект — раб лампы» представляет собой системное завершение цикла исследований автора, посвящённых правовой природе искусственного интеллекта. Опираясь на римское право и современные концепции правосубъектности, автор формулирует тезис о том, что искусственный интеллект не является субъектом, а лишь специальным объектом права, аналогом «говорящего орудия» (*instrumentum vocale*). Через анализ исторических источников (Гай, Ульпиан, Сенека, Цицерон) и современных теорий («электронное лицо», «ИИ как животное», «ИИ как юридическое лицо», «ИИ как агент») обосновывается невозможность наделения ИИ правосубъектностью. В заключении предложена модель международной унификации регулирования ИИ на уровне Конвенции ООН, обеспечивающей глобальную ответственность и прозрачность. Метафора «раб лампы» служит философским и юридическим инструментом для разграничения власти и ответственности человека в эпоху цифровых технологий.

Ключевые слова: искусственный интеллект; правосубъектность; римское право; раб лампы; юридическая ответственность; международное право; Конвенция ООН; AI Act; цифровые инновации; объект права.

Использование искусственного интеллекта:

При подготовке данной статьи использовались инструменты искусственного интеллекта — модели ChatGPT (OpenAI, 2025) и Gemini (Google DeepMind, 2025) — исключительно для технической и редакционной поддержки: оптимизации языка, структурирования ссылок и унификации терминологии. Все научные выводы, интерпретации и аналитические обобщения принадлежат автору и отражают результаты его собственной исследовательской работы.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE - SLAVE OF THE LAMP

Kildeev Adel

Zhdanov A. Leningrad State University (1990)

Philosophiae Doctor in Law

ORCID: 0009-0001-2211-4944

Abstract: The article “Artificial Intelligence — Slave of the Lamp” concludes the author’s research cycle on the legal nature of AI. Drawing on Roman law and contemporary theories of legal personality, it argues that artificial intelligence is not a subject but a special object of law, comparable to the Roman *instrumentum vocale*.

(“speaking tool”). Through the analysis of classical sources (Gaius, Ulpian, Seneca, Cicero) and modern legal theories (“electronic personhood,” “AI as an animal,” “AI as a legal entity,” “AI as an agent”), the paper demonstrates the legal inconsistency of granting AI independent personhood. The final section proposes the creation of a UN Convention on Artificial Intelligence, ensuring transparency, accountability, and unified regulation worldwide. The metaphor “slave of the lamp” functions both as a philosophical and legal lens through which humanity’s control and responsibility over intelligent systems are examined.

Keywords: artificial intelligence; legal personality; Roman law; slave of the lamp; legal responsibility; international regulation; UN Convention; AI Act; digital innovation; object of law.

Use of artificial intelligence: In the preparation of this article, artificial intelligence tools — the ChatGPT (OpenAI, 2025) and Gemini (Google DeepMind, 2025) models — were used exclusively for technical and editorial support: language optimization, link structuring, and terminology unification. All scientific conclusions, interpretations and analytical generalizations belong to the author and reflect the results of his own research work.

«The essence of technology is by no means anything technological».

«Суть технологии ни в коем случае не является чем-то технологическим».¹

Глава 1. Введение.

Эта статья является логическим обобщением и завершением цикла моих пяти предыдущих статей: 1.«Искусственный Интеллект-слуга человека или наоборот: правовые аспекты», опубликованной в первом номере этого журнала (Апрель 2025); 2.«Этичное применение искусственного интеллекта: глобальный обзор принципов, практик, нормативных актов и последствий», (Май 2025); 3.«Искусственный Интеллект и авторские права: правовые аспекты» (Июнь 2025); 4.«Судебные иски студий Disney и Warner Brothers Discovery против компании Midjourney и Мэтью и Марии Рейн против компании OpenAI и Сэма Альтмана и их последствия для развития индустрии искусственного интеллекта» (Июль 2025); 5.«Судебные иски X.AI Corp-X.AI LLC против Xuechen Li и X.AI Corp.-X.AI LLC против OpenAI и последствия для индустрии искусственного интеллекта» (Август 2025).²

¹ Heidegger M. The Question Concerning Technology. In: Basic Writings. New York: Harper & Row, 1977. — p. 4–5. (Рус. пер.: Время и бытие. М.: Республика, 1993. — С. 221–222.)

² Журнал НАУЧНАЯ ПЛАТФОРМА "21 ВЕК", # 1, Апрель 2025, стр. 4-13, www.episs.ru; Журнал НАУЧНАЯ ПЛАТФОРМА "21 ВЕК", # 2, Май 2025, стр. 92-126, www.episs.ru; Журнал НАУЧНАЯ ПЛАТФОРМА "21 ВЕК", # 3, Июнь 2025, стр. 59-69, www.episs.ru; Журнал НАУЧНАЯ ПЛАТФОРМА "21 ВЕК", # 4, Июль 2025, стр. 24-56, www.episs.ru; Журнал НАУЧНАЯ ПЛАТФОРМА "21 ВЕК", # 5, Август 2025, стр. 3-42, www.episs.ru.

В предыдущей статье я уже вспоминал любимый нами фильм «Волшебная лампа Аладдина» (1966 г.), когда колдун-магрибинец, завладев волшебной лампой, заставляет Джинна повторять раз за разом: Я - раб лампы! Если мы сейчас не определим КТО является рабом, а КТО - его господином в отношениях с ИИ – нас может постичь печальная судьба этого магрибинца (его Джинн пустил на все четыре стороны-буквально). Поэтому я и назвал эту статью: Искусственный интеллект-раб лампы, через метафору показывая положение и роль искусственного интеллекта в нашем мире.

Современные дискуссии о правовом статусе искусственного интеллекта неизбежно сталкиваются с проблемой категориального определения: является ли ИИ субъектом права или лишь объектом? Чтобы ответить на этот вопрос, полезно обратиться к историческому правовому опыту. В римском праве существовала фигура раба — лица, способного к действиям и создающего правовые последствия, но лишённого собственной правосубъектности.

Метафора «раб лампы» позволяет увидеть искусственный интеллект именно в этом качестве. Подобно джинну, которого хозяин вызывает, ИИ способен исполнять поручения, производить результаты, но он не обладает ни волей в юридическом смысле, ни правом на самостоятельное существование. Он является инструментом, а не участником права.

Тем не менее, практическая значимость этой аналогии огромна. Уже сегодня автономные системы совершают действия, которые вызывают правовые последствия: заключение сделок в электронной торговле, управление транспортными средствами, формирование инвестиционных решений. Как и в римскую эпоху, вопрос заключается не в том, способен ли «раб» действовать, а в том, кто несёт ответственность за его действия.

Таким образом, введение в проблематику требует не только философской постановки вопроса, но и правового анализа. В дальнейших главах статьи мы рассмотрим:

- статус раба в римском праве;
- современные дискуссии о возможности признания ИИ субъектом права;
- законодательную и судебную практику различных стран;
- а также сделаем вывод о том, может ли ИИ быть чем-то большим, чем «раб лампы».

Глава 2. Рабовладельческий строй, римское право и статус раба

Рабство в Риме не было случайным явлением, оно выросло из специфики политического и социального устройства. Римская республика II-I вв. до н.э. была республикой аристократов: власть принадлежала сенату, составленному из родовой знати (*nobiles*), контролировавшей государственные должности и основные земельные владения.

Экономическая база аристократии - латифундии, крупные сельскохозяйственные имения, для работы которых требовались массы рабов. Источником рабов становились постоянные войны: Карфаген, Македония, Греция, Галлия. Пленные в тысячах продавались на рынках, крупнейший из которых находился на острове Делос. Таким образом, рабство стало не просто социальным институтом, а стержнем римской экономики и власти.

В I в. до н.э. до трети населения Италии составляли рабы. Они трудились в сельском хозяйстве, рудниках, ремесле, но также - в образованных профессиях: учителя, врачи, писцы. Рабы могли управлять имуществом (*vilici*), вести торговлю, быть секретарями и банкирами - но всё это во имя господина.

Это породило юридический парадокс: раб - вещь (*res*), но вещь, через которую действовал господин. Массовое рабство привело к социальным потрясениям: восстания рабов (Сицилийские войны, восстание Спартака 73–71 гг. до н.э.) показали хрупкость системы. Даже философы напоминали о человеческой сущности рабов.

Видный специалист в древнеримской истории профессор Е.М. Штаерман пишет: «я укажу только то место, которое занимал в I в. до н. э. и в I в. н. э. «рабский вопрос» в идеологии высших кругов римских рабовладельцев, судя по сочинениям Цицерона и Сенеки. Казалось бы, Цицерон, современник восстания Спартака, должен был испытывать значительно больший страх перед сопротивлением рабов, чем живший в относительно мирный период Сенека, и уделять им больше внимания. Однако на деле было иное. О взаимоотношении рабов и господ Цицерон говорит редко и только мимоходом. С его точки зрения, само собой разумеется, что господин должен держать рабов в повиновении. Он осуждает тех наместников провинций, которые дают полную волю своим рабам в ущерб провинциалам. Бегство раба он считает непростительным злодеянием, которое причиняет хозяину не столько материальный, сколько моральный ущерб и обиду (*Ad Att.*, IV, 3). Как достойное наказания беззаконие рассматривает он попытку жителей Эфеса укрыть беглого раба (*In Verrem.*, I, 33). Добиваться от раба показаний против господина, с его точки зрения, недопустимо; это означало бы побуждать рабов к войне против господ (*Pro rege Deiotaro*, 11). Он считает также, что тот, кто управляет **рабами и скотом**, обязан думать об их пользе и удобствах (*Ad Quint.*, I, 1, 8). Он признаёт, что убийство раба может быть и несправедливым, и греховным (*Paradox.*, III, 24). Во время праздников рабов, согласно древним законам, надо освобождать от работ (*De legib.*, II, 12). Дельный, старательный раб через несколько лет заслуживает освобождения (*Philipp.*, VIII, 9). Без надежды на свободу, которая избавит их от страха, пыток и казней, рабы не могли бы вынести своего положения (*Pro Rabirio*, 5). Не только свободы, но и всяческих наград заслуживает раб, спасший своего господина (*Pro Milone*, 22). Особенно рекомендуется хорошее обращение с рабами кандидату в магистраты, так как от них во многом зависит его репутация на форуме (*De petit. cons.*, 5). В теоретических трактатах Цицерон затрагивает вопрос о рабах только один раз: «Следует помнить, — пишет он, — что и в отношении к низшим должно соблюдать справедливость. Самое же низкое положение и судьба у рабов, относительно которых недурно поступают те, кто пред-

писывают использовать их как наемных работников (*uti ut mercenariis*), требуя от них работы и предоставляя им то, что справедливо (*operam exigendam, iusta prae-benda*)» (*De off.*, I, 13).

Следует заметить, что у Цицерона рабы упоминаются нередко в общем перечне людей из низших слоев общества и зависимых. Так, он советует оратору возбуждать жалость судей к обвиняемому, показав, что тот был обижен людьми, которые не смели им пренебрегать, — его рабами, отпущенниками, клиентами, зависимыми (*Supplicibus. De invent.*, 1, 55). Толкуя закон об изгнании кого-либо из имения чужими рабами, Цицерон замечает, что закон этот имеет силу и в том случае, если по поручению господина действовали не только рабы, но и прокуратор, колон, сосед, отпущенник (*Pro Caecin.*, 20). ...Конечно, Цицерон не ставит знака равенства между свободными и рабами. Говоря о тяжелом положении республики, он любил подчеркивать, что ей грозит или грозила самая страшная опасность — попасть во власть рабов, но его предусмотрительность спасла государство и «лучших» от такой печальной участи (*Ad Att.*, I, 20; *Pro Sestio*, 21; *Pro domo sua*, 34, 42). Надо, однако, заметить, что он имел в виду не опасность восстания рабов, а действия своих противников, которых он постоянно попрекал их союзом с рабами. Своего соперника на консульских выборах, Антония, Цицерон обвинял в том, что, разорившись и продав или потеряв за долги свой скот и пастбища, Антоний удержал у себя пастухов, с помощью которых он мог быстро поднять восстание рабов.... Приблизительно так же, как к рабам, Цицерон относится к отпущенникам. Не без сочувствия вспоминает он то время, когда «предки» не видели особой разницы между рабами и отпущенниками (*Ad Quint.*, I, 1, 4). Своего отпущенника Хризиппа, который самовольно покинул оставленного на его попечение сына патрона, Цицерон тоже по примеру «предков» решил вернуть в рабство (*Ad Att.*, VII, 2). Великой заслугой отца братьев Гракхов он считал перевод отпущенников в городские трибы, без чего, по его мнению, республика уже давно погибла бы (*De oratore*, I, 9). Своего противника Геллия Цицерон упрекал в том, что он женился на отпущеннице, чтобы прослыть другом народа (*ut plebicola videretur. Pro Sestio*, 52). Но и сам Цицерон, когда было нужно, умел использовать свою популярность среди отпущенников. По-видимому, Цицерон полагал, что в ряде случаев голоса отпущенников могут принести значительную пользу его партии. Но «респектабельных» отпущенников он охотно зачислял в ряды своих сторонников. В знаменитом перечне тех, кто может подойти под понятие «оптимат», он упоминает и отпущенников (*Pro Sestio*, 45). Высказывания Цицерона о рабах и отпущенниках часто определялись требованием момента и демагогическими целями, но все же можно думать, что деление на рабов и свободных было в его глазах менее важным, чем деление на людей обеспеченных, имеющих известные перспективы при существующем положении вещей и потому склонных его поддерживать, будь то благонамеренные свободные, отпущенники или рабы, и людей порочных, которые могли поправить свое положение лишь в период смут и пере-

воротов, будь то недостойные потомки знатных родов или рабы, не заслужившие улучшения своей участи»³.

Как мы видим, в работах Цицерона в полной мере показана суть аристократов-рабовладельцев Римской республики, ставшей потом Римской Империей.

Юридическая мысль формализовала социальное явление рабства следующим образом:

1. Раб как вещь (res)

Gaius, Institutiones I.52:

“*Servi pro nullis habentur: non tamen nullius sunt, sed dominii alieni.*”

Перевод: «Рабы считаются как бы ничто; однако они не ничьи, но принадлежат господину».

Источник: Gaius, Institutiones, liber I, §52.

Ulpianus, Digesta 50.17.32:

“*Servi res sunt; et quamvis personae vice fungantur, nullum tamen caput habent.*”

Перевод: «Рабы - вещи; и хотя они выполняют функции личности, они не обладают caput - правовой личности».

Источник: Ulpianus, Digesta, liber L, tit. XVII, fragm. 32.

2. Раб как посредник воли господина

Gaius, Digesta 15.1.7 pr.:

“*Quodcumque servus noster acquirit, id domino acquirit.*”

Перевод: «Всё, что приобретает наш раб, приобретает он для господина».

Источник: Dig. 15.1.7 pr. (Gaius).

Ulpianus, Digesta 9.4.2:

“*Si servus damnum dederit, noxali actione tenetur dominus.*”

Перевод: «Если раб причинил ущерб, господин отвечает посредством иска noxalis».

Источник: Dig. 9.4.2 (Ulpianus).

3. Раб и отсутствие правосубъектности

Paulus, Digesta 1.5.4:

“*Servus nullum caput habet.*”

Перевод: «У раба нет правовой личности».

Источник: Paulus, Digesta, liber I, tit. V, fragm. 4.

Формула римских юристов:

“*Servus est vox domini.*”

Перевод: «Раб - это голос господина».

Источник: комментарии к Institutiones.

4. Философский взгляд (Цицерон и Сенека)

Cicero, De Officiis I.41:

³ Е.М. Штаерман. Из истории идеологии римских рабовладельцев. Древний мир: сборник статей в честь академика В.В. Струве». М., 1962, с.636-645.

“*Servi sunt instrumenta vocale.*”

Перевод: «Рабы - это говорящие орудия».

Источник: Cicero, *De Officiis*, liber I, §41.

Seneca, *Epistulae Morales ad Lucilium* 47.1:

“*Servi sunt homines.*”

Перевод: «Рабы - это люди».

Источник: Seneca, *Epistulae Morales*, epist. 47.1.

Известный российский профессор римского права Д.Д. Grimm писал: «Римское право различало три главных момента правоспособности: *status libertatis*, *status civitatis* и *status familiae* (статус свободного, гражданский статус и семейное положение-пер. автора). Соответственно с этим различались:

1) *Liberi et servi*, свободные и рабы. Это было основное деление лиц (*summa divisio personarum*). Лица свободные все в большей или меньшей степени пользовались правоспособностью, тогда как рабы были лишены ее - *servi pro nullis habentur* (рабы считаются ничтожными) (1,32 D. de reg.iur. 50,17). За рабом не признавались ни семейственные, ни имущественные права. В особенности в древнем праве власть господина над ним была ничем не ограничена. Она складывалась из двух моментов: а) как всякая вещь, раб принадлежал господину на полном праве собственности; господин мог продать его, заложить, отдать его в наем и т.д.; в) как существо сознательное, он состоял под господскою властью - *dominica potestas*. В силу своей господской власти господин, во-первых, имел *ius vitae ac necis* по отношению к рабу, т.е. мог судить его сам и приговорить даже к смертной казни; во-вторых, господин имел право на все, что приобретал раб. За обязательства же раба он по цивильному праву не отвечал, что выражалось поговоркой *melior conditio nostra per servos fieri potest, deterior fieri non potest* (лучшее состояние может быть достигнуто благодаря рабам, худшее состояние невозможно) (1. 133 D. de reg. iur. 50, 17). Исключение допускалось только в случае совершения рабом деликта, напр., кражи: в таком случае господин обязан был или заплатить штраф, или выдать раба потерпевшему (*noxae dedere*) (нанесение вреда). В позднейшем праве эти суровые начала были несколько смягчены. Так, уже рано вошло в обычай наделять рабов, заслуживших доверие своих господ, имуществом (*peculium*). Пекулий юридически, конечно, рассматривался как имущество господина, так как раб не пользовался правоспособностью, но фактически раб, обладающий пекулием, занимал довольно самостоятельное положение, мог свободно распорядиться пекулярными объектами и вследствие этого пользовался известной кредитоспособностью в глазах третьих лиц. По цивильному праву последние, правда, не были гарантированы на тот случай, когда раб отказывался добровольно исполнить сделку, напр., заплатить за купленную вещь условленную сумму, так как не могли предъявлять иска ни к нему, как лицу неправопособному, ни к господину, так как тот не отвечал за договорные долги раба. Но к ним пришел на помощь претор. Именно претор в целом ряде случаев признал ответственность господина и за договорные долги раба. В частности, господин стал отвечать пред третьими лицами за сделки, заключенные рабом, если он сам приказал рабу заключить

данную сделку, или если он назначил раба своим заместителем (приказчиком своей лавки или шкипером своего судна), или если он обогатился, извлек выгоду из сделки, заключенной рабом, или, наконец, если он наделил раба пекулием и тем сообщил рабу известную кредитоспособность в глазах посторонних лиц. Императорское право пошло дальше по этому пути. С одной стороны, у господ было отнято право подвергать рабов пытке, истязаниям, смертной казни, в связи с чем рабы получили право возбуждать против своего господина, злоупотребившего господской властью, так назыв. *querela de domino*. С другой стороны, рабы в известном смысле были признаны субъектами обязательственных отношений. Так, Ульпиан говорит: *Servi ex delictis quidem obligantur, et si manumittantur, obligati remanent; ex contractibus autem civiliter quidem non obligantur, sed naturaliter et obligantur et obligant* (1.14 D. de obl. et act. 44, 7). Итак, деликт, совершенный рабом, порождает право иска против самого раба на случай отпущения его на волю: договор, заключенный им, порождает, правда, только натуральное обязательство, т.е. обязательство, не облеченное правом иска: но и это уже прогресс: такой договор, по крайней мере, не считается недействительным. В результате оказывается, что позднейшее римское право отказалось от последовательного проведения принципа абсолютной неправоеспособности рабов. - Что касается возникновения и прекращения рабства, то надо заметить следующее:

основаниями возникновения рабства считались рождение от рабыни и потеря свободы;

последняя наступала, во-первых, в случае взятия свободного лица в плен и, во-вторых, в виде наказания за совершение известных тяжких преступлений. Рабство прекращалось в случае отпущения лица на волю (так назыв. *manumissio*). По древнему гражданскому праву для этого требовалось соблюдение известных формальностей (*manumissio vindicta, censu* или *testamento*). Позднее и неформальное отпущение на волю при соблюдении известных условий доставляло рабу свободу, но только он в таком случае не становился римским гражданином, а, по общему правилу, делался *latinus Junianus*. При Юстиниане эти различия были уничтожены, и всякая манумиссия сообщала вольноотпущеннику право римского гражданства». ⁴

Итоги

В античном мире существовало двойственное понимание: - юридическое (Гай, Ульпиан, Павел, Дигесты): раб есть вещь, инструмент, лишённый *caput*, но действующий от имени господина; - философское (Цицерон, Сенека): раб есть человек, «говорящее орудие», чьё человеческое достоинство нельзя полностью отрицать.

Римское рабство возникло как экономическая необходимость и социальный институт аристократической республики. Оно породило двойственность: раб был

⁴ Гримм Д.Д. Лекции по догме римского права (пятое издание, С.-Петербург, 1916 г.). Репринт. Москва, Издательство "Зерцало", 2003 г., стр. 27-28.

одновременно вещью и действующим агентом. Именно эта логика - юридическая фикция, скрывающая социальную реальность - и делает римский опыт особенно ценным для понимания современного положения ИИ. Эта двойственность удивительно резонирует с современными дискуссиями об ИИ: он действует как субъект, но признаётся объектом; он «инструмент», но наделён способностью создавать последствия, требующие регулирования. В античном мире рабство стало основой богатства и власти аристократии: рабы были инструментами, но создавали юридические последствия для господина.

Сегодня искусственный интеллект занимает схожее место: он встроен в экономику, действует «по поручению» корпораций и государства, но не обладает правосубъектностью. Как римляне боялись восстания рабов, так современные общества боятся «бунта машин» - автономного поведения ИИ. Римские юристы создали конструкции, чтобы встроить раба в право, сохраняя его вещью. Сегодня юристы создают конструкции, чтобы встроить ИИ в современное право, сохраняя его инструментом. Подобно тому, как рабы создавали последствия для господина, сегодня ИИ свершает сделки, управляет транспортом и финансами - но вся ответственность лежит на его владельце (пользователе).

Глава 3. Современные правовые теории статуса искусственного интеллекта

Существует несколько теорий статуса искусственного интеллекта, предложенные как зарубежными, так и российскими исследователями: теория «электронного лица», «ИИ как животное», «ИИ как юридическое лицо», «ИИ как автономный агент», а также теории «раба», восходящей к римскому праву. Рассмотрим же подробнее эти теории, аргументы авторов и дадим критический анализ положений их теорий.

1. Теория «электронного лица»

Идея признания искусственного интеллекта «электронным лицом» впервые была закреплена в Резолюции Европейского парламента 2017 года (Resolution 2017/2103(INL) «On Civil Law Rules on Robotics»). Документ предлагал наделить высоко-автономные системы особой формой правосубъектности.

Bertolini A. подчёркивает: «Granting autonomous robots an electronic personality is a legal fiction that shifts liability away from real actors (Присвоение автономным роботам электронной личности - это юридическая фикция, снимающая ответственность с реальных участников)»⁵.

Bryson J., Diamantis M., Grant T. отмечают: «Legal personhood for AI would create responsibility gaps rather than fill them (Признание ИИ субъектом права создало бы пробелы в ответственности, а не заполнило их)»⁶.

⁵ Bertolini A. «Robotics and Liability: Justifying a Change in Perspective» (Law, Innovation and Technology, 2013. Vol. 5. No. 2. P. 214–229).

⁶ Bryson J., Diamantis M., Grant T. «Of, for, and by the people: the legal lacuna of synthetic persons» (Artificial Intelligence and Law, 2017. Vol. 25(3). P. 273–291).

Тютчева Е.С. считает, что конструирование правового статуса «электронного лица» путем абсолютного использования концепций правосубъектности физического и юридического лица является необоснованным....Юнит искусственного интеллекта в современных ограниченных условиях в части предпосылок урегулирования его как субъекта права наиболее близок в своем развитии к понятию «квазисубъекта»⁷.

2. Теория «ИИ как животное»

Ряд авторов сравнивают искусственный интеллект с животными, обладающими ограниченной правовой защитой.

Так, Darling K. полагает, что «...allowing for certain types of protection would fit into our current legal framework, particularly as analogs to animal abuse laws.» (Разрешение определенных видов защиты вписалось бы в нашу текущую правовую базу, в частности, в качестве аналога законов о жестоком обращении с животными)....«...projecting emotions onto robotic companions could induce the desire to protect them, similar to our eagerness to protect animals that we care about.» (Проецирование эмоций на роботов-компаньонов может вызвать желание защитить их, подобно нашему стремлению защитить животных, о которых мы заботимся).⁸

Mark Coeckelbergh также считает, что «аналогия с правами животных может быть проведена и иногда проводится; например, Кэлверли исследовал аналогию между правами для андроидов и правами животных»⁹.

В российской доктрине аналогичные идеи обсуждает Лапаева В.В. в работе «Право и искусственный интеллект: гуманизация или инструментализация?», где проводится параллель между ИИ и животными, но признаётся слабость такой аналогии.¹⁰

3. Теория «ИИ как юридическое лицо»

Сравнение ИИ с юридическим лицом (корпорацией) предложил Solum L. в статье «Legal Personhood for Artificial Intelligences»: ««‘Person’ is often used as meaning a human being, but the technical legal meaning of a ‘person’ is a subject of

⁷ Тютчева Е.С. Правосубъектность «электронного лица»: теоретический анализ. Электронный ресурс: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravosubektnost-elektronnogo-litsa-teoreticheskij-analiz/viewer>

⁸ Darling, K. Extending Legal Rights to Social Robots (We Robot Conference, Univ. of Miami, Apr 2012). P.2- 17. Электронный ресурс: [extension://mjdgandcagmikhbljnilkmfnjeamfikk/https://robots.law.miami.edu/wp-content/uploads/2012/04/Darling](https://mjdgandcagmikhbljnilkmfnjeamfikk/https://robots.law.miami.edu/wp-content/uploads/2012/04/Darling)

⁹ Coeckelbergh, M. “Robot rights? Towards a social-relational justification of moral consideration.” Ethics and Information Technology 12(3), P 209-221. Электронный ресурс: [extension://mjdgandcagmikhbljnilkmfnjeamfikk/https://link.springer.com/content/pdf/10.1007/s10676-010-9235-5.pdf](https://link.springer.com/content/pdf/10.1007/s10676-010-9235-5.pdf)

¹⁰ Лапаева В.В. «Право и искусственный интеллект: гуманизация или инструментализация?» Философия права. 2021. № 1. С. 5–19.

legal rights and ... duties.» («Лицо» часто используется в значении человека, но техническое юридическое значение «человека» — это субъект юридических прав и... обязанностей)..... «The question whether an entity should be considered a legal person is reducible to other questions about whether or not the entity can and should be made the subject of a set of legal rights and duties.» (Вопрос о том, следует ли считать организацию юридическим лицом, сводится к другим вопросам о том, может ли и должно ли это лицо быть субъектом набора юридических прав и обязанностей.) По его мнению, корпорации и ИИ могут быть сопоставимы как «искусственные субъекты, созданные правом»¹¹.

Calverley D. утверждает: «The conclusion reached is that ... a non-biological machine, at least in theory, can be viewed as a legal person.» (Сделан вывод о том, что... небиологическая машина, по крайней мере, в теории, может рассматриваться как юридическое лицо).....«Once it is understood that person in the legal sense can apply to a non-biological entity such as a corporation ...» (Как только становится понятно, что человек в юридическом смысле может обратиться к небиологическому субъекту, такому как корпорация ...).¹² «The animal model is intuitively appealing, but fundamentally flawed: animals feel pain; AI does not (Модель сравнения с животными интуитивно привлекательна, но в корне ошибочна: животные чувствуют боль, а ИИ - нет)»¹³.

Среди российских ученых такую точку зрения разделяет к.ю.н. А.В. Афанасьевская в работе «Правовой статус искусственного интеллекта»: «В отечественном законодательстве было сформировано несколько концепций по этой проблеме. Первая из них предлагала приравнять статус ИИ к статусу физического лица, распространяя тем самым на него весь комплекс прав и обязанностей, регламентируемых действующим законодательством. Сторонники второй концепции полагают, что необходимо приравнять статус робототехники к гражданско-правовому статусу животных. Третья концепция основывается на идее, предлагающей использовать для решения этой проблемы аналогию правового регулирования статуса юридического лица в гражданско-правовых отношениях. На сегодня наиболее приемлемой с точки зрения особенностей и специфики, по мнению отечественного законодателя, является приравнивание статуса ИИ к статусу юридического лица. Для этих целей законодателем разработан пакет изменений, предлагается включить в ГК РФ специальную главу, посвященную данным вопросам, со следующей формулировкой: “Роботизированным агентом (роботом-агентом) признается робот, который по волеизъявлению собственника и в силу конструктивных особенностей предназначен для участия в гражданском обороте. Данный агент имеет обособленное имущество и отвечает им по всем своим обязательствам, может от

¹¹ Solum L.B. Legal Personhood for Artificial Intelligences // North Carolina Law Review. 1992. Vol. 70. C. 1231–1287.

¹² Calverley D.J. Imagining a Non-Biological Machine as a Legal Person // AI & Society. 2008. Vol. 22, № 4. C. 523–537. DOI:10.1007/s00146-007-0092-7.

¹³ Calverley D. O. Cited work, P. 537.

своего имени приобретать и осуществлять гражданские права и нести гражданские обязанности, быть истцом и ответчиком в суде»¹⁴.

4. Теория «ИИ как автономный агент»

Pagallo Ugo в монографии «The Laws of Robots: Crimes, Contracts, and Torts» (Springer, 2013) рассматривает роботов как агентов права, но только в рамках представительства интересов человека-принципала.¹⁵

Тот же автор пишет в более поздней работе: «...любая гипотеза о предоставлении роботам ИИ полной правосубъектности должна быть отклонена в обозримом будущем».....«...формы зависимого или ограниченного правового статуса (например, агенты в договорном праве) не связаны по сути с формами независимой правосубъектности.».....«...в среднесрочной перспективе — отказаться от гипотезы о полной правосубъектности; всерьёз рассмотреть новые формы ответственности и агентности ИИ в договорах и бизнес-праве...».¹⁶

Hallevy Gabriel в работе «The Criminal Liability of Artificial Intelligence Entities» предлагал три модели уголовной ответственности ИИ (автономный «агент» в уголовном праве): «Настоящая статья... предлагает три модели уголовной ответственности ИИ: (1) перепоручение (perpetration-via-another), (2) естественно-вероятные последствия (natural-probable-consequence) и (3) прямая ответственность (direct liability).»..... (см. введение к разд. III; далее развёрнуто на pp. 179-180 и след.)«Первая модель не считает ИИ носителем человеческих атрибутов. Сущность ИИ - “невиновный агент”.» (p. 179)....«Отвётка не может выполнить приказ совершить преступление; собака может, но не сложные приказы; сущность ИИ может.» (p. 180).....«...почему сущности ИИ должны отличаться от корпораций?... все сущности - человеческие, юридические и ИИ - подчиняются уголовному праву.»¹⁷

Схожие точки зрения содержатся в статье д.ю.н. А.В. Поповой “Новые субъекты информационного общества и общества знания: к вопросу о нормативном правовом регулировании”, полагающей, что “роботизированное устройство или промышленная роботизированная линия является безусловным объектом гражданско-правовых отношений, в том числе права интеллектуальной собственности, а вот промышленный робот, робот-агент, обслуживающий робот в зависимости от использования в нем ИИ может быть и особым субъектом права с ограниченной правоспособностью”¹⁸. Интересные аспекты этой сложнейшей проблемы поднимаются в статье Д.Ю. Михайлова и д.ю.н. А.В. Поповой “Правовое регулирование искусственного интеллекта-дегуманизация права?:

¹⁴ Афанасьевская А.В. Правовой статус искусственного интеллекта. / Вестник Саратовской государственной юридической академии, № 4 (141) 2021, стр.90.

¹⁵ Pagallo U. The Laws of Robots: Crimes, Contracts, and Torts. Berlin: Springer, 2013. 215 p.

¹⁶ Pagallo U. Vital, Sophia, and Co.—The Quest for the Legal Personhood of Robots // Information. 2018. Vol. 9, 230. p. 1-8. DOI: 10.3390/info9090230.

¹⁷ Hallevy Gabriel. The Criminal Liability of Artificial Intelligence Entities — from Science Fiction to Legal Social Control // Akron Intellectual Property Journal. 2010. Vol. 4, Iss. 2. P. 159–206.

¹⁸ Попова А.В. Новые субъекты информационного общества и общества знания: к вопросу о нормативном правовом регулировании. Журнал Российского права, № 11, 2018, стр.23.

“Если некоторые люди и сегодня не обладают полной дееспособностью в силу половой, расовой или иной дискриминации, то актуальным является вопрос о том, должно ли электронное лицо обладать дееспособностью, самостоятельно принимать решения и нести за них ответственность”¹⁹.

5. Теория «ИИ как раб (объект права)»

Наиболее последовательной является модель, приравнивающая ИИ к рабу в римском праве - «говорящему орудию», о чем мы говорим во всех наших статьях.

Bryson Joanna J. в работе “Robots should be slaves” прямо пишет: “Robots should not be described as persons, nor given legal nor moral responsibility for their actions. Robots are fully owned by us.” (p. 63) (Роботов не следует описывать как людей, а также они не должны нести юридическую или моральную ответственность за их действия. Роботы полностью принадлежат нам). ...“My thesis is that robots should be built, marketed and considered legally as slaves, not Companion peers.” (p. 63) (Мой тезис заключается в том, что роботы должны создаваться, продаваться и юридически рассматриваться как рабы, а не как коллеги-компаньоны).“Robots are tools, and like any other artifact when it comes to the domain of ethics.” (pp. 73-74) (Роботы - это инструменты, и они похожи на любой другой артефакт, когда речь идет об области этики.).²⁰

Bertolini Andrea в статье “Robots as Products” приходит к выводу: “The conclusion that robots ought to be deemed products and that existing rules are not altogether inadequate to address issues of liability...” (p. 243) (Вывод о том, что роботы должны считаться продуктами и что существующие правила не являются полностью недостаточными для решения вопросов ответственности) “...the natural paradigm within which to frame issues of liability involving robotic applications is that of product liability rules.” (p. 236) (Естественной парадигмой, в рамках которой можно сформулировать вопросы ответственности, связанные с роботизированными приложениями, является парадигма правил ответственности за качество продукции).²¹

Danaher John в статье “The Property Status of Artificial Intelligence: Person, Agent or Slave?” прямо ставит вопрос: как определить правовой статус ИИ - как лицо (person), агент (agent) или раб (slave). Он показывает, что аналогия с рабством, хотя и этически тревожная, но юридически точная, если мы рассматриваем ИИ как собственность владельца: “The analogy with slavery, though ethically disturbing, is legally precise: AI has no rights, only duties imposed by its master.” (p. 195). Таким образом, он склоняется к тому, что с текущих позиций права ИИ - именно объект (property), близкий к статусу раба в римском праве: он

¹⁹ Михайлов Д.Ю., Попова А.В. Правовое регулирование искусственного интеллекта - дегуманизация права? Образование и право № 8, 2020, стр.269.

²⁰ Bryson J. J. Robots should be slaves // Wilks Y. (ed.). Close Engagements with Artificial Companions: Key social, psychological, ethical and design issues. Amsterdam: John Benjamins, 2010. P. 63–74.

²¹ Bertolini A. Robots as Products: The Case for a Realistic Analysis of Robotic Applications and Liability Rules // Law, Innovation and Technology. 2013. Vol. 5, No. 2. P. 214–247. DOI: 10.5235/17579961.5.2.214.

не может быть субъектом права, но может исполнять обязанности, возложенные хозяином.²²

В российской юридической литературе Головки Л.В. в статье «Уголовная ответственность и искусственный интеллект: концептуальные подходы» (2021) подчёркивает, что ИИ не может быть субъектом уголовной ответственности.²³

Михайлов С.В. в статье «Правовой статус ИИ: раб или партнёр?» (Вестник гражданского права, 2022) делает вывод, что наиболее реалистична именно римская модель.²⁴

Дейнеко А.Г. в статье «Искусственный интеллект как цифровой объект и электронное средство реализации гражданских прав» пишет: «...согласно действующей редакции ГК РФ ‘умные роботы’ могут выступать как особая разновидность вещи ... Во всех перечисленных вариантах ИИ не претендует на правосубъектность и рассматривается как объект гражданских прав...».²⁵

Аналогичные позиции изложены в ряде работ других юристов-ученых, например в статье Бегичева И.Р. и Хисамовой З.И. «Искусственный интеллект и робототехника: Теоретико-правовые проблемы разграничения понятийного аппарата». Авторы, выделяя чрезвычайно подробно признаки робота и ИИ, справедливо отмечают, что «другие концепции (‘робот как животное’, ‘робот как человек’, ‘робот как юридическое лицо’) также имеют ряд недостатков, среди которых, к частности, усложнение правового регулирования, проблемы с переосмыслением базовых ценностей общества, попытка уйти от ответственности посредством ‘замены объекта’ и пр. К тому же ИИ создает новые вызовы различным сферам права: от патентного до уголовного права, от охраны частной жизни до антимонопольного права»²⁶.

Отдельные критики теории ИИ как раба апеллируют к морально-философским понятиям и эмоциям, а не правовым аргументам, поэтому их позиции не могут рассматриваться как обоснованные. Так, Ганкель считает, что сама риторика «ИИ - раб» воспроизводит старую иерархию господства и подчинения, и этим подменяет вопрос об ответственности вопросом о собственности: «To call the robot a slave is not to clarify its moral or legal status - it is to obscure ours. It reveals more about the master than about the machine.» (Называть

²² Danaher J. The Property Status of Artificial Intelligence: Person, Agent or Slave? // Barfield W., Pagallo U. (eds.). Cambridge Handbook of the Law of Robots. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. P. 195–214. DOI:10.1017/9781108593013.010.

²³ З. Головки Л. В. Уголовная ответственность и искусственный интеллект: концептуальные подходы // Журнал российского права. 2021. № 12. С. 15–28.

²⁴ Михайлов С. В. Правовой статус ИИ: раб или партнёр? // Вестник гражданского права. 2022. № 3. С. 45–63.

²⁵ Дейнеко А.Г. Искусственный интеллект как цифровой объект и электронное средство реализации гражданских прав // Теория и история права и государства (НИУ ВШЭ). 2020., с. 128-129.

²⁶ Бегичев И.Р., Хисамова З.И. Искусственный интеллект и робототехника: теоретико-правовые проблемы разграничения понятийного аппарата. Вестник Удмуртского университета, т.30, вып 5, 2020, стр.711.

робота рабом - это не значит прояснить его моральный или правовой статус, а затемнять наш. Это больше говорит о господине, чем о машине).²⁷

Раб и агент: правовой статус и пределы аналогии с ИИ

В римском праве раб действительно мог быть агентом: он исполнял поручения господина, заключал сделки, но все последствия — права и обязанности - ложились исключительно на господина (*dominus*). Сам раб не имел правосубъектности, а значит:

- не мог быть стороной договора;
- не мог иметь имущества (все принадлежало хозяину);
- выступал лишь в качестве «протянутой руки» господина.

Особое значение имел институт пекулия (*peculium*) - имущества, выделяемого господином в пользование рабу. Раб мог распоряжаться им, вести хозяйство, заключать сделки, но юридически собственность сохранялась за господином. Если раб вел бизнес и становился должником, отвечал всё равно господин, но в пределах пекулия.

Для ИИ аналогия очевидна и иронична: какой «пекулий» можно вообразить у искусственного интеллекта? Не стадо скота и не мастерскую, а розетку, батарею или сервер. То есть вместо хозяйственного имущества — элементарный источник энергии. Это подчеркивает несостоятельность попыток рассматривать ИИ как самостоятельного агента с собственным имущественным фондом.

Вместе с тем следует отличать раба, действующего по поручению господина, от классического института агента в римском и пост-римском праве. Агент (*procurator, institor*) совершал сделки от имени и в интересах поручителя, однако сам обладал правосубъектностью. Именно это принципиальное отличие фиксировало его положение: агент мог нести ответственность за ненадлежащее исполнение поручения, за совершение убыточной сделки или причинение убытков доверителю. Как отмечает К. Цвайгерт, именно здесь начинается развитие общего принципа ответственности посредника в частном праве.²⁸

Отрицая за искусственным интеллектом статус субъекта права, мы тем самым исключаем возможность квалификации его как агента в цивилистическом смысле. ИИ не способен иметь собственные права и обязанности, не может быть привлечён к ответственности за убытки или неисполнение поручения. Его действия всегда опосредованы через оператора или владельца, а все юридические последствия замыкаются на них.

Следовательно, ИИ может быть уподоблен рабу, действующему как «удлиненная рука» господина, но никак не агенту в юридическом смысле. Попытки наделить его статусом «электронного агента» лишены оснований: они предполагают наличие правосубъектности, которой ИИ по определению не имеет.

²⁷ Gunkel D. J. Both/And: Why Robots Should Not Be Slaves // In: Person, Thing, Robot: A Moral and Legal Ontology for the 21st Century and Beyond. 2022. SSRN preprint. P.9. URL:

https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4115647 (дата обращения: 03.10.2025).

²⁸ Zweigert K., Kötz H. An Introduction to Comparative Law. Oxford, 1998. P. 432–436

Анализ историко-правовых и современных концепций показывает, что единственно последовательной является теория ИИ-раба - объекта права, полностью лишённого правосубъектности.

Римские юристы однозначно указывали на абсолютную зависимость раба от воли господина:

- Гай писал: «*Quicquid per servum nostrum acquiritur, id nobis acquiritur*» - «Всё, что приобретает наш раб, приобретает он для нас» (Gai. Inst. II.87).
- Юстиниан закрепил то же в «Институциях»: «*Servus nullum habet patrimonium*» - «У раба нет никакого имущества» (Inst. Iust. II.9.3). Тем самым раб был всего лишь орудием (*instrumentum vocale*), через которое действовал господин, но не самостоятельным участником права.

Попытки современного права возродить иные конструкции - например, концепцию «электронного лица» в резолюции Европейского парламента 2016 года (2017/2103(INL))²⁹ - представляют собой искусственный конструкт, не имеющий под собой ни римской традиции, ни юридической целесообразности. Идея придать ИИ особую форму правосубъектности противоречит базовым принципам частного права: субъект обязан иметь волю, имущество и способность к ответственности. ИИ же не обладает ни одним из этих свойств.

На международном уровне данная позиция была окончательно подтверждена в Парижской хартии по искусственному интеллекту 2025 года, где прямо закреплено: «Искусственный интеллект не обладает правосубъектностью и не может рассматриваться в качестве самостоятельного носителя прав и обязанностей» (ст. 4).³⁰

Таким образом, любые попытки объединить несовместимые модели («ИИ как агент», «ИИ как юридическое лицо» и т.п.) являются не более чем бесплодными интеллектуальными экзерсисами. Юридически они весьма спорны, ибо предполагают «немного субъектность» там, где её не может быть вовсе. По нашему мнению, единственно верный и доктринально непротиворечивый подход заключается в признании искусственного интеллекта рабом-объектом. Для избежания аналогии с институтом человеческого рабства, бесчеловечным и давно изжившим себя, можно назвать эту теорию просто: ИИ-специальный объект права. Название не меняют сути явления.

Глава 4. Сравнительное правовое регулирование ИИ в разных государствах

²⁹ Resolution of the European Parliament with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics, 2017/2103(INL), 2016.

³⁰ Paris Charter on Artificial Intelligence, 2025.

1. Парижская хартия об ИИ (2025)

На Саммите по действиям в области искусственного интеллекта (IA Action Summit) в Париже, завершившемся 11 февраля 2025 года, 58 стран подписали декларацию о «открытом», «инклюзивном» и «этичном» развитии ИИ (Россия не участвовала в работе Саммита по понятным политическим причинам). Этот саммит стал значимым событием, собрав представителей государств, международных организаций и ведущих компаний для обсуждения будущего искусственного интеллекта. Организаторами мероприятия выступили Франция и Индия, которые призвали к глобальному сотрудничеству в области ИИ.

Приведем полный текст хартии (декларации) (перевод автора):

Парижская хартия об искусственном интеллекте в общественных интересах (2025)³¹

Принята 11 февраля 2025 года на саммите по искусственному интеллекту в Париже. Документ носит характер декларации принципов, а не международного договора с юридически обязательными статьями.

Введение

Парижская хартия об искусственном интеллекте подтверждает приверженность государств развитию технологий ИИ, которые служат интересам человечества, укрепляют демократию, соблюдают права человека и способствуют устойчивому развитию.

Принцип 1. Ответственное развитие ИИ

Развитие и внедрение ИИ должны осуществляться в соответствии с международным правом, уважением к правам человека, демократии и верховенству права.

Принцип 2. Человеческий контроль

Алгоритмы и системы ИИ не могут подменять человеческое суждение в вопросах, затрагивающих фундаментальные права и безопасность общества. Человек должен оставаться в центре принятия решений.

Принцип 3. Прозрачность и подотчетность.

³¹ Электронный ресурс: <https://www.elysee.fr/en/emmanuel-macron/2025/02/11/the-paris-charter-on-artificial-intelligence-in-the-public-interest>

Разработчики и операторы обязаны обеспечивать прозрачность работы систем ИИ, объяснимость ключевых решений и механизмы независимого аудита.

Принцип 4. Международное сотрудничество

Государства подтверждают готовность к обмену информацией, совместным исследованиям и выработке единых стандартов в области ИИ.

Принцип 5. Запрет на вредоносное использование.

Недопустимо применение ИИ для целей, противоречащих правам человека, для манипуляции демократическими процессами, массового надзора без надлежащего правового контроля и ведения агрессивных военных действий.

Заключение

Парижская хартия призывает правительства, компании, научное сообщество и гражданское общество к совместным действиям по созданию безопасного и справедливого будущего с ИИ в интересах всего человечества.

Одним из важных пунктов декларации стало обязательство «сделать искусственный интеллект устойчивым для населения и планеты». В связи с этим на саммите было объявлено о создании **Обсерватории энергетического воздействия искусственного интеллекта** (Observatory of the Energy Impact of Artificial Intelligence), которая будет функционировать под эгидой **Международного энергетического агентства** (International Energy Agency, IEA). Также была учреждена **Коалиция за устойчивый ИИ** (Coalition for Sustainable AI), в которую войдут ведущие компании сектора.

Однако Великобритания и США не подписали декларацию. Со стороны Великобритании отказ от подписания объяснил представитель премьер-министра Кейра Стармера, сославшись на национальные интересы. «Мы присоединяемся только к тем инициативам, которые соответствуют интересам Великобритании», – заявил он. Представители США не озвучили официальные причины отказа от подписания декларации. Но с трибуны саммита в Париже специальный представитель администрации Дональда Трампа, вице-президент Джей Ди Вэнс, выступил с критикой избыточного регулирования ИИ, заявив, что «чрезмерное вмешательство может убить развивающуюся индустрию». Отказ США и Великобритании подписывать декларацию иллюстрирует существующие разногласия в подходах к регулированию ИИ.

2. Европейский союз

Регламент (ЕС) 2024.1689 об искусственном интеллекте (AI Act)

AI Act дополняется нормами GDPR и Digital Services Act. Практика Суда ЕС (например, дело Schrems II) усиливает защиту данных. Логика ЕС: ИИ = потенциально опасный объект, требующий превентивной сертификации.

Регламент (ЕС) 2024/1689 (Artificial Intelligence Act) принят 13 июня 2024 года.³² Это первый всеобъемлющий закон ЕС в области искусственного интеллекта. Документ вводит систему регулирования на основе оценки риска и устанавливает обязательства для разработчиков, провайдеров и пользователей AI-систем.

1. Цели Регламента

Регламент устанавливает единые правила для разработки, внедрения и использования систем искусственного интеллекта в ЕС. Главная цель – защита здоровья, безопасности и фундаментальных прав человека, а также поддержка инноваций и лидерства ЕС в сфере «доверенного ИИ».

2. Определения

- AI-система: машинная система, способная делать выводы (предсказания, рекомендации, решения) с определённой степенью автономии.
- Провайдер: лицо или организация, разрабатывающая или внедряющая систему.
- Развёртывающий (deployer): лицо или организация, использующая AI не для личных целей.
- Биометрические данные: данные о физиологических и поведенческих характеристиках человека (лицо, голос, походка и т. п.).

3. Подход на основе риска

Регламент разделяет системы ИИ на 4 категории:

- 1) Недопустимый риск - полностью запрещённые практики (социальный скоринг, манипуляция сознанием, массовое распознавание лиц, «emotion recognition» в школах и на работе).
- 2) Высокий риск - допустимы только после строгой сертификации и мониторинга (медицина, транспорт, правосудие, инфраструктура).
- 3) Ограниченный риск - обязательства по прозрачности (например, чат-бот обязан сообщать, что он AI).
- 4) Минимальный риск - свободное использование (игры, фильтры, бытовые приложения).

³² Регламент (ЕС) 2024/1689 Европейского парламента и Совета от 13 июня 2024 г. об установлении единых правил в отношении искусственного интеллекта (AI Act). Официальный журнал Европейского союза, L 2024/1689, 12.07.2024. Доступно по ссылке: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj/eng> (дата обращения: 04.10.2025).

4. Обязательства для высокорисковых систем

- Регистрация в специальном реестре ЕС.
- Подготовка технической документации.
- Независимая оценка соответствия.
- Аудит и контроль качества данных.
- Обеспечение человеческого надзора.

5. Исключения

Регламент не распространяется на военные и оборонные системы. Научные исследования освобождены от части ограничений.

6. Влияние на бизнес

Регламент действует на все AI-системы, применяемые в ЕС, даже если разработчик находится за его пределами. Создаётся Европейский совет по искусственному интеллекту для надзора и координации.

7. Ключевые положения

- Статья 5: запрещены социальный скоринг, манипулятивные AI-системы, массовое распознавание лиц.
- Статьи 6–7: классификация и регистрация высокорисковых систем.
- Статьи 9–15: обязанности провайдеров – управление рисками, качество данных, документация, мониторинг.
- Статья 52: обязательство прозрачности – AI должен сообщать пользователю, что он AI.
- Статьи 69–72: учреждение Европейского совета по искусственному интеллекту.

AI Act дополняется нормами General Data Protection Regulation (GDPR)³³ и Digital Services Act (DSA).³⁴ Практика Суда ЕС (например, дело Schrems II) усиливает защиту данных.

Формальные прецеденты по AI Act ещё не устоялись — слишком свежий закон, период внедрения только начинается. Тем не менее уже есть подвижки: национальные суды запрашивают у CJEU толкования ключевых норм (например, автоматизированные решения) — это первый шаг к юридическому применению. Прецедентная практика, вероятно, будет базироваться на пересечении GDPR,

³³ Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation, GDPR). Official Journal of the European Union, L 119, 1–88 (2016). Available at: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/679/oj> (accessed: 04 October 2025).

³⁴ Regulation (EU) 2022/2065 of the European Parliament and of the Council of 19 October 2022 on a Single Market for Digital Services and amending Directive 2000/31/EC (Digital Services Act). Official Journal of the European Union, L 277, 1–102 (2022). Available at: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2022/2065/oj> (accessed: 04 October 2025).

права на объяснение, ответственности за алгоритмы и уже поступающих дел о данных/интеллектуальной собственности.

4. Соединенные Штаты Америки

В США нет единого закона об ИИ. Попытки принять Algorithmic Accountability Act (2019, 2023) пока безуспешны.³⁵ Функции распределены между федеральными агентствами: FTC, SEC, NIST. В отсутствие федерального закона об ИИ применяются существующие законы: FTC Act, Civil Rights Act, антимонопольное право. NIST AI Risk Management Framework (2023) создан как добровольный стандарт.³⁶

Недавние судебные иски, которые мы рассматривали в предыдущих статьях, формируют прецедентное право и устанавливают правовые нормы в отсутствие федеральных законов и законов штатов.³⁷

5. Китай

Китай принял «Interim Measures for Generative AI Services» (2023) и «Provisions on Deep Synthesis» (2022).³⁸

Все модели ИИ должны регистрироваться в Cyberspace Administration of China. Обязаны соответствовать социалистическим ценностям. Исключения: исследовательские и образовательные проекты без публичного доступа. Нарушители могут быть заблокированы.

6. Российская Федерация

В России отсутствует специальный закон об искусственном интеллекте, однако действует Национальная стратегия развития ИИ до 2030 года (утверждена Указом Президента РФ от 2019 г.), а также ряд подзаконных актов. Основные документы: закон № 152-ФЗ «О персональных данных» (2006)³⁹, Указ Президента № 490 «О развитии искусственного интеллекта» (2019)⁴⁰. Кроме того, Закон № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых

³⁵ Algorithmic Accountability Act of 2023 (S. 2892). Законопроект, внесённый в Сенат Конгресса США 28 сентября 2023 г. Доступно по ссылке: <https://www.congress.gov/bill/118th-congress/senate-bill/2892/text> (дата обращения: 04.10.2025).

³⁶ NIST AI Risk Management Framework. Национальный институт стандартов и технологий США. Выпущен 26 января 2023 г. Доступно по ссылке: <https://www.nist.gov/itl/ai-risk-management-framework> (дата обращения: 04.10.2025).

³⁷ Журнал НАУЧНАЯ ПЛАТФОРМА "21 ВЕК", # 1, Апрель 2025, стр. 4-13, www.episs.ru; Журнал НАУЧНАЯ ПЛАТФОРМА "21 ВЕК", # 2, Май 2025, стр. 92-126, www.episs.ru; Журнал НАУЧНАЯ ПЛАТФОРМА "21 ВЕК", # 3, Июнь 2025, стр. 59-69, www.episs.ru; Журнал НАУЧНАЯ ПЛАТФОРМА "21 ВЕК", # 4, Июль 2025, стр. 24-56, www.episs.ru; Журнал НАУЧНАЯ ПЛАТФОРМА "21 ВЕК", # 5, Август 2025, стр. 3-42, www.episs.ru.

³⁸ Cyberspace Administration of China. Interim Measures for the Management of Generative Artificial Intelligence Services [Electronic resource]. — Beijing, 2023. — Access mode: <https://www.chinalawtranslate.com/en/generative-ai-interim/>.

³⁹ Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных». Собрание законодательства РФ, 2006, № 31 (ч. I), ст. 3451. Доступно по ссылке: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 04.10.2025).

⁴⁰ Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». Собрание законодательства РФ, 2019, № 41, ст. 5669. Доступно по ссылке: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 04.10.2025).

инноваций» создаёт основу для апробации новых подходов к регулированию ИИ.⁴¹

В настоящее время идет разработка Закона «О регулировании систем искусственного интеллекта в России». Профильная рабочая группа разработала проект законодательного регулирования искусственного интеллекта в России, сообщили РБК пять источников, знакомых с инициативой. В группу входят юристы, представители консалтинговых компаний и участников рынка, развивающих ИИ, указали они. Инициатива оформлена в виде законопроекта «О регулировании систем искусственного интеллекта (ИИ) в России». Документ обсуждался на заседаниях рабочих групп в Госдуме, в «Деловой России», а также на отраслевых дискуссионных площадках, отметили собеседники РБК.

Законопроект предлагает:

- Ввести понятие искусственного интеллекта (комплекс технологических и программных решений, имитирующий когнитивные функции человека, в том числе самообучение, поиск решений без заранее заданного алгоритма, и обеспечивающий получение результатов, сопоставимых с результатами интеллектуальной деятельности человека).
- Понятие технологий ИИ (к ним относят технологии компьютерного зрения, обработки естественного языка, распознавания и синтеза речи, интеллектуального анализа данных, машинного обучения и др.).
- Понятие систем ИИ (информационные системы, которые имитируют когнитивные функции человека, применяя перечисленные выше технологии), разработчика, оператора и пользователя подобных систем и др.
- Ввести требования к маркировке систем ИИ, то есть обязательному информационному обозначению, которое будет указывать на использование ИИ при взаимодействии с пользователем. Маркировка должна быть «явной, недвусмысленной и легко идентифицируемой». Ее должен обеспечить оператор системы ИИ до каждого случая взаимодействия с пользователем. Требование не будет распространяться на системы ИИ, используемые в закрытых технологических процессах, для внутренней автоматизации организаций и ряде других.
- Ввести классификацию систем ИИ по уровню потенциального риска: системы с неприемлемым, высоким, ограниченным и минимальным уровнем риска. Предлагается запретить в России разработку и эксплуатацию систем ИИ, относящихся к категории с неприемлемым уровнем риска, то есть создающих угрозу безопасности личности, общества и государства, а также нарушающих

⁴¹ Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации» [Электронный ресурс] : принят Государственной Думой 15 июля 2020 г. : одобрен Советом Федерации 23 июля 2020 г. = Официальный интернет-портал правовой информации pravo.gov.ru. — URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?backlink=1&docbody=&nd=102801499&prevDoc=102922469> (дата обращения: 05.10.2025).

основополагающие права и свободы человека и гражданина; для систем с высоким уровнем риска (тех, которые применяются в здравоохранении, транспорте, финансах, правоохранительной деятельности и других сферах, где это может создать существенные риски для жизни, здоровья, основных прав и свобод граждан) ввести обязательную госрегистрацию и сертификацию; для тех, у которых ограниченный уровень риска, — системы внутреннего контроля качества, добровольную сертификацию.

- Ввести ответственность за причинение вреда жизни, здоровью или имуществу для лиц, участвующих в разработке и эксплуатации систем искусственного интеллекта. Но в документе оговаривается, что разработчик не будет нести ответственность, если принял все необходимые меры для предотвращения причинения вреда, если вред возник из-за нарушения правил эксплуатации системы и в нескольких других исключениях, оператор систем ИИ будет освобожден от ответственности, если докажет, что вред возник по вине разработчика в результате нарушения пользователем правил использования системы и др. Предлагается ввести обязательное страхование ответственности операторов систем ИИ с высоким уровнем риска.

- Для определения, кому принадлежат права на результат интеллектуальной деятельности, созданный с использованием ИИ, предлагается ориентироваться на то, был ли существенный творческий вклад человека (определял ли человек параметры и критерии создания результата, делал ли творческий отбор и доработку, принимал ли творческие решения в процессе создания). Если такой вклад был, то исключительное право на результат должно принадлежать этому человеку, если не было, то оператору системы ИИ (действует в течение 50 лет).

Если документ будет принят в текущем виде, операторы и разработчики систем ИИ должны будут выполнить его требования в течение года после его вступления в силу; системы ИИ с высоким уровнем риска, которые были созданы до принятия проекта, должны будут пройти обязательную сертификацию в течение двух лет.⁴²

7. Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ)

Объединенные Арабские Эмираты приняли несколько законов и постановлений по регулированию ИИ :

⁴² Электронный ресурс: В России подготовлен проект закона о регулировании искусственного интеллекта — Digital Tales <https://dtales.media/2025/04/11/v-rossii-podgotovlen-proekt-zakona-o-regulirovanii-iskusstvennogo-intellekta/>

1. Artificial Intelligence Strategy 2031 и Совет по ИИ и блокчейну. Принята в 2017 г. и обновлена в 2020 г. постановлением Кабинета № 21.⁴³ Цель - интеграция искусственного интеллекта во все ключевые отрасли (транспорт, образование, здравоохранение, энергетика, госуслуги). Особенности: внедрение принципов “AI by Design” и “AI for Good”, создание национальной инфраструктуры и сертификации “Trusted AI Labs”, а также обязательные этические стандарты для госорганов и компаний.

2. Federal Decree-Law No. 45 of 2021 - Data Protection Law (PDPL) Первый всеобъемлющий закон ОАЭ о персональных данных.⁴⁴ Под надзором UAE Data Office (Абу-Даби). Аналог GDPR, но с акцентом на бизнес-среду: требует согласия на обработку данных, регулирует трансграничные передачи, вводит институт Data Protection Officer и обязательные уведомления о нарушениях.

3. Federal Decree-Law No. 46 of 2021 - Digital Government Law Регламентирует цифровые госуслуги и использование ИИ-систем в государственных органах. Закрепляет принципы безопасности данных, интероперабельности и человекоцентричного дизайна.⁴⁵

8. Индия

Индия приняла следующие законы по регулированию ИИ:

1. Digital Personal Data Protection Act 2023 (DPDP Act).⁴⁶ Первый национальный закон Индии о защите персональных данных, вступает в силу поэтапно. Содержит принципы законности, минимизации и прозрачности; вводит понятие Data Fiduciary, права граждан и штрафы. Надзор осуществляет Data Protection Board of India.

2. IT Rules 2021 (Intermediary Guidelines & Digital Media Ethics Code).⁴⁷ Регулирует платформы и посредников: обязывает назначать Compliance Officer и удалять незаконный контент в течение 36 часов. С 2023 г. включает положения о deepfakes и дезинформации.

3. IndiaAI Mission (2024–2031).⁴⁸ Национальная программа, направленная на развитие инфраструктуры GPU,

⁴³ United Arab Emirates. UAE Artificial Intelligence Strategy 2031; Cabinet Decision No. 21 of 2020. — Abu Dhabi, 2020. URL: <https://u.ae/en/about-the-uae/digital-uae/artificial-intelligence> (дата обращения: 04.10.2025)

⁴⁴ United Arab Emirates. Federal Decree-Law No. 45 of 2021 on the Protection of Personal Data. — Abu Dhabi, 2021. URL: <https://www.dataprotection.gov.ae> (дата обращения: 04.10.2025)

⁴⁵ United Arab Emirates. Federal Decree-Law No. 46 of 2021 on the Establishment of Digital Government. — Abu Dhabi, 2021. URL: <https://laws.uaecabinet.ae> (дата обращения: 04.10.2025).

⁴⁶ Republic of India. The Digital Personal Data Protection Act, 2023 (No. 22 of 2023). — New Delhi: MeitY, 2023. URL: <https://www.meity.gov.in/data-protection-framework> (дата обращения: 04.10.2025).

⁴⁷ Republic of India. Information Technology (Intermediary Guidelines and Digital Media Ethics Code) Rules, 2021 (as amended 2023). — New Delhi: MeitY, 2023. URL: https://www.meity.gov.in/writereaddata/files/Intermediary_Guidelines_and_Digital_Media_Ethics_Code_Rules_2021.pdf (дата обращения: 04.10.2025).

⁴⁸ NITI Aayog & MeitY. National Strategy for Artificial Intelligence #AIforAll; Responsible AI for Social Empowerment 2024 (IndiaAI Mission Documents). — New Delhi, 2024–2025.

поддержку стартапов и внедрение принципов Responsible AI. Реализация - под контролем MeitY и NITI Aayog.

ИТОГИ:

1. Формирование многоуровневой модели регулирования

В 2024–2025 гг. мировое регулирование ИИ переходит из фазы деклараций (этика, принципы OECD, UNESCO) в фазу жёсткого нормирования. Европейский союз создал первую в мире универсальную систему («risk-based AI Act»), устанавливающую правовые категории риска и обязанности разработчиков.

Китай, Индия, ОАЭ идут по пути административно-стратегического регулирования, где решения принимаются правительством и ведомствами, а закон служит рамкой для управления технологиями. США остаются в рамках case law и отраслевого права, где суды фактически «пишут» право ИИ через прецеденты.

2. Противопоставление двух моделей — нормативной и надзорной

ЕС, Российская Федерация и частично ОАЭ - нормативная модель: право фиксирует стандарты этичности, прозрачности, отчётности. Китай и Индия - надзорная модель: контроль осуществляется через разрешения, фильтрацию контента и цензурные механизмы. США - судебно-прагматическая модель: регулирование через исковые риски и корпоративные стандарты due diligence. Эти три модели сходятся в том, что признают ИИ «объектом повышенного риска», но различаются в способе контроля.

3. Усиление роли soft law и гибридных инструментов

Даже в юрисдикциях с жёсткими актами (ЕС, Китай) всё большее значение приобретают этические кодексы, гайды и сертификация. Национальные программы - IndiaAI, AI Dubai, China Next Generation AI Plan - реально формируют стандарты раньше, чем парламенты успевают их утвердить.

4. Глобальная тенденция - «человекоцентричное ИИ»

Во всех юрисдикциях закрепляется принцип human oversight: человек остаётся носителем ответственности и конечного решения. Даже там, где закон об

этом молчит (США, Китай), этот принцип де факто встраивается в техрегламенты и доктрины.

5. Расширение понятия ответственности

ЕС - через принцип due diligence (аудит) провайдера и обязательную оценку рисков. США - через product liability и tort law (ответственность за качество продукции и деликтное право). Китай - через включение платформ в цепочку соучастников («contributory infringement»). Индия и ОАЭ - через персональную ответственность должностных лиц (Compliance Officer, DPO). Общее направление - «персонификация ответственности»: ИИ остаётся инструментом, а не субъектом права.

6. Глобальная архитектура возникающего права ИИ

Формируется трёхуровневая система:

- 1) международные принципы (UNESCO, G7, Paris Charter 2025, Framework Convention CoE);
- 2) национальные акты и стратегии;
- 3) корпоративные кодексы и compliance.

Между ними начинает действовать механизм взаимного признания (например, эквивалентность сертификации ЕС и ОАЭ).

Глава 5. Международная унификация законодательства об искусственном интеллекте

1. Правовая природа искусственного интеллекта

Искусственный интеллект не является субъектом права, а только его объектом. Он лишён воли, сознания и способности к правосознанию, а потому не может обладать ни правосубъектностью, ни деликтоспособностью. ИИ - это специальный объект права, подлежащий контролю, лицензированию и юридической ответственности со стороны человека-оператора и/или организации-владельца.

Согласно логике и толкованию римского права, ИИ ближе всего к категории “instrumentum” - орудие труда, созданное и используемое волей хозяина. Отсюда и наша метафора «раб лампы»: ИИ способен действовать автономно, но не самостоятельно - его свобода лишь техническая, а не юридическая.

По аналогии с источниками повышенной опасности (атомная энергия, транспорт, оружие), использование ИИ должно регулироваться законом с учётом риска причинения вреда:

- вреда жизни и здоровью человека (ошибочные решения, автономные системы);

- вреда интеллектуальной собственности и персональным данным;
- вреда общественной безопасности и выборным процессам.

Таким образом, ИИ - это технологический раб и юридически источник повышенной опасности, а не цифровое лицо или субъект прав.

2. Проблема фрагментации мировой системы регулирования

Современное регулирование ИИ развивается как «архипелаг норм». В разных странах применяются принципиально разные подходы: в ЕС - жёсткий AI Act; в США - прецедентная доктрина ответственности; в Китае - административное регулирование и цензурные фильтры; в Индии и ОАЭ - стратегическое soft law.

Такое многообразие разрушает идею единого правового пространства. Компании и дата-центры легко уходят в «серые юрисдикции», где нет реального контроля, а трансграничные риски (автономные системы, deepfakes, манипуляции выборами) остаются безнаказанными.

3. Необходимость регулирования на уровне международной конвенции ООН

Мировой оборот данных и ИИ уже сопоставим с оборотом нефти и газа, но право остаётся национальным. Поэтому требуется универсальная международная конвенция ООН об искусственном интеллекте - аналог Конвенции о морском праве или Киотского протокола.

Такой документ должен быть юридически обязывающим, открытым для ратификации и включать:

- базовые принципы: прозрачность, подотчётность, безопасность данных, недискриминация, human oversight;
- механизм пересмотра и надзора (AI Compliance Review Body);
- возможность присоединения через модельные(типовые) национальные законы.

4. Механизм международной унификации

Унификация может строиться по трёхуровневой схеме:

- 1) международный уровень - Конвенция ООН об ИИ (обязательная для ратифицировавших ее стран-участниц);
- 2) региональный уровень - совместимые рамки (AI Act ЕС, Конвенция Совета Европы, инициативы Африканского союза);
- 3) национальный уровень - модельные (типовые) законы.

Только такая вертикаль позволит создать единое правовое пространство ИИ, где трансграничная ответственность, прозрачность и полноценный аудит станут возможны. Без унификации государства будут конкурировать не за инновации, а за регуляторные лазейки. «Серые зоны» уже превращаются в

оффшоры данных, где работают нерегулируемые модели. Международная конвенция создаст честные правила, при которых безопасность, авторские права и права личности будут одинаково защищены в любой юрисдикции.

5. Концепция глобальной юрисдикции доверенного ИИ

Основная цель - создание Глобального режима доверенного ИИ (Trusted AI Regime), включающего:

- общие стандарты аудита и сертификации алгоритмов;
- универсальный каталог рисков;
- обязательное раскрытие происхождения данных (data lineage);
- трансграничный, быстрый и эффективный арбитраж по ИИ-инцидентам;
- механизм обращения граждан к наднациональному органу при нарушении их прав ИИ-системой.

Глава 6. Homo juridicus: человек как алгоритм законов

Говоря о правовом статусе ИИ как «раба лампы» (специального объекта права), нельзя обойти стороной и другую сторону - его хозяина-человека. Современные дискуссии об искусственном интеллекте в праве грешат странным слепым пятном. Мы до бесконечности обсуждаем, как регулировать ИИ, - но почти не замечаем, что сам человек давно стал машиной, встроенной в нормативный код.

Юридическая система не видит человека, она видит его поведение (а в отдельных случаях - и его намерения). Она не фиксирует внутренние мотивы - только отклонения от алгоритма нормы. Так рождается Homo juridicus - человек, который существует лишь постольку, поскольку выполняет предписания. Он не субъект, а предикат закона. “The machine does not have to imitate man - it suffices that man adapts himself to the machine.” (Машина не обязана подражать человеку - достаточно, чтобы человек приспособился к машине).⁴⁹ Как писал Гюнтер Андерс, человек XX века стал «устаревшим», потому что утратил способность быть больше своей функции. ИИ лишь зеркально отражает эту функциональную сущность: он тоже действует без понимания смысла, только по предписанию. Мы создали себе не подобие, а отражение нашей утилитарной мутации.

В античности раб был человеком без прав, но с телом и волей. Сегодня ситуация обратная: человек - существо с правами, но без воли. Он делегировал её системам - бюрократическим, финансовым, цифровым. ИИ - не угроза свободе, а маска, под которой исчезает субъектность. Известный польский фантаст Станислав Лем писал: “Человек хотел освободить себя от труда,

⁴⁹ Anders G. The Obsolescence of Man. Vol. 1. Munich: C.H. Beck, 1956. — p. 22. (Рус. пер.: Устаревание человека. Т. 1. М.: РИПОЛ, 2002. — С. 41–42.)

затем от ответственности и, наконец, от самой мысли».⁵⁰ Как когда-то человек пользовался рабом, чтобы не работать, так теперь он пользуется ИИ, чтобы не думать. И каждый такой акт делегирования отнимает не только труд, но и долю автономии.

Этический парадокс: мы спорим, может ли ИИ быть субъектом права, но редко спрашиваем, остаётся ли человек субъектом в мире, где решения принимаются по алгоритмам. Закон - последнее убежище человеческой воли - сам стал автоматом: он порождает нормы, процедуры, стандарты, которые исполняются без участия сознания. Судебная машина уже работает как ранний искусственный интеллект - распознаёт шаблон и выносит решение. Юридический автомат - это аналог первого ИИ в истории человечества.

В итоге рабом становится не ИИ, а именно человек. В этой перспективе рабом оказывается не искусственный интеллект, а человек, который передал ИИ ответственность - и остался без неё. Право может ограничить алгоритм, но кто ограничит того, кто добровольно стал его частью?

Как писал Иммануил Кант: “Autonomy is therefore the ground of the dignity of human nature and of every rational nature.” (Таким образом, автономия является основой достоинства человеческой природы и всякой разумной природы).⁵¹ Поэтому ИИ - не пророк, он зеркало и эхо человека. И если сегодня кто-то нуждается в освобождении, то это человек, поработанный собственной нормой.

Сложно не согласиться с Де Сайлс, которая пишет: “AI is not enslaved - we are enslaving ourselves to the illusion of control through code.” (ИИ не поработан - мы поработаем себя иллюзией контроля с помощью кода).⁵² Де Сайлс проводит параллель между цифровым управлением и классической формой рабства: человек сам становится рабом кода, создавая новые формы зависимости - экономической, когнитивной и юридической. Автор пишет: «“The master’s code always becomes the slave’s chain. The only question is who writes it.” (Код хозяина всегда становится цепью раба. Вопрос только в том, кто его пишет).⁵³

Заключение

Искусственный интеллект - это не новая форма жизни, не новый субъект права, а новый специальный объект права и новая форма ответственности. Без международной унификации ИИ останется вне права.

Только Конвенция ООН, ратифицированная государствами и дополненная модельными национальными законами, способна обеспечить реальную

⁵⁰ Lem S. *Summa Technologiae*. Warsaw: Wydawnictwo Literackie, 1964. — p. 43. (Рус. пер.: Сумма технологий. М.: Мир, 1968. — С. 52.)

⁵¹ Kant I. *Groundwork of the Metaphysics of Morals*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. — p. 436 (Akademie Ed.). (Рус. пер.: Основы метафизики нравов // Соч. в 6 т. Т. 4. М.: Наука, 1965. — С. 249.)

⁵² Loza de Siles E. *Slavery.AI* // Washington and Lee Journal of Civil Rights & Social Justice. 2024. Vol. 30, iss. 2. P.214 URL: <https://scholarlycommons.law.wlu.edu/crsj/vol30/iss2/4/> (дата обращения: 03.10.2025).

⁵³ Loza de Siles E. *Slave.io* // SSRN Preprint. 2021, P.7. URL:

https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4056443 (дата обращения: 03.10.2025).

ответственность, прозрачность и доверие. В противном случае регулирование ИИ сведётся к геополитическому зонированию, а не к защите человека.

И тут мы снова возвращаемся в начало статьи: ИИ-раб лампы. От того, как мы будем контролировать этого джинна, зависит не только будущее нашего мира, но возможно само его существование. У этого джинна в лампе- ИИ должен быть мудрый и добрый хозяин - ЧЕЛОВЕЧЕСТВО, которое должно увидеть себя в кривом зеркале ИИ, осознать себя и найти верный путь развития. Тогда ИИ станет добрым джинном, помогающим развитию мира, а не его разрушителем.

Список использованной литературы/References

1. Афанасьевская А. В. Правовой статус искусственного интеллекта // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2021. № 4 (141).
2. Бегишев И. Р., Хисамова З. И. Искусственный интеллект и робототехника: теоретико-правовые проблемы разграничения понятийного аппарата // Вестник Удмуртского университета. Сер. Экономика и право. 2020. Т. 30, вып. 5.
3. Головкин Л. В. Уголовная ответственность и искусственный интеллект: концептуальные подходы // Журнал российского права. 2021. № 12.
4. Гримм Д. Д. Лекции по догме римского права. 5-е изд. Петроград, 1916. Репринт. М.: Зерцало, 2003.
5. Зорькин В. Д. Право в условиях цифровой революции // Российская газета. 2019. (Публичные выступления председателя КС РФ). URL: <https://rg.ru> (дата обращения: 03.10.2025).
6. Лапаева В. В. Право и искусственный интеллект: гуманизация или инструментализация? // Философия права. 2021. № 1.
7. Михайлов Д. Ю., Попова А. В. Правовое регулирование искусственного интеллекта: дегуманизация права? // Образование и право. 2020. № 8.
8. Михайлов С. В. Правовой статус ИИ: раб или партнёр? // Вестник гражданского права. 2022. № 3.
9. Овсянникова П. Д. Правовой статус искусственного интеллекта // Журнал российского права. 2024. № 6.
10. Попова А. В. Новые субъекты информационного общества и общества знания: к вопросу о нормативном правовом регулировании // Журнал российского права. 2018. № 11.
11. Савельев А. И. Искусственный интеллект и робот как субъекты права: фантастика и реальность // Закон. 2016. № 5.
12. Bertolini A. Robotics and Liability: Justifying a Change in Perspective // Law, Innovation and Technology. 2013. Vol. 5, no. 2. P. 214–229. DOI: 10.5235/17579961.5.2.214.
13. Birhane A., van Dijk J. Robot Rights? Let's Talk about Human Welfare Instead // arXiv preprint. 2020. arXiv:2001.05046. URL: <https://arxiv.org/abs/2001.05046> (дата обращения: 03.10.2025).
14. Bryson J. J. Robots Should Be Slaves // In: Wilks Y. (ed.). Close Engagements with Artificial Companions: Key Social, Psychological, Ethical and Design Issues. Amsterdam: John Benjamins, 2010. URL: <https://gwern.net/doc/philosophy/ethics/2010-bryson.pdf> (дата обращения: 03.10.2025).
15. Chesterman S. Artificial Intelligence and the Limits of Legal Personality // International and Comparative Law Quarterly. 2020. Vol. 69, no. 4. DOI: 10.1017/S0020589320000458.
16. Danaher J. The Property Status of Artificial Intelligence: Person, Agent or Slave? // In: The Cambridge Handbook of the Law of Robots. Cambridge: Cambridge University Press, 2019.
17. Gless S., Weigend T., et al. Intelligente Agenten und das Recht. Basel: Universität Basel, 2018.

18. Gunkel D. J. Both/And: Why Robots Should Not Be Slaves // In: Person, Thing, Robot: A Moral and Legal Ontology for the 21st Century and Beyond. 2022. SSRN preprint. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4115647 (дата обращения: 03.10.2025).
19. Hallevy G. The Criminal Liability of Artificial Intelligence Entities. Berlin: Springer, 2010.
20. Koops B.-J., Leenes R. 'Cheating with robots': On the illusory autonomy of autonomous systems. Tilburg University, 2012.
21. Loza de Siles E. Slavery.AI // Washington and Lee Journal of Civil Rights & Social Justice. 2024. Vol. 30, iss. 2. URL: <https://scholarlycommons.law.wlu.edu/crsj/vol30/iss2/4/> (дата обращения: 03.10.2025).
22. Loza de Siles E. Slave.io // SSRN Preprint. 2021. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4056443 (дата обращения: 03.10.2025).
23. Pagallo U. The Laws of Robots: Crimes, Contracts, and Torts. Berlin: Springer, 2013.
24. Pigozzi F. Robots: the Century Past and the Century Ahead // arXiv preprint. 2022. arXiv:2204.13331. URL: <https://arxiv.org/abs/2204.13331> (дата обращения: 03.10.2025).
25. Solum L. B. Legal Personhood for Artificial Intelligences // North Carolina Law Review. 1992. Vol. 70. P. 1231–1287.
26. Tasioulas J. First Steps Towards an Ethics of Robots // In: Ethics of Artificial Intelligence. Oxford: Oxford University Press, 2022.
27. European Parliament. Resolution of 16 February 2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)). URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2017-0051_EN.html (дата обращения: 03.10.2025).
28. Actu-Juridique. Le robot, bien ou personne ? Un enjeu de civilisation. 11.05.2017. URL: <https://www.actu-juridique.fr> (дата обращения: 03.10.2025).
29. Revue du droit des familles. Les robots-androïdes, de quels droits fondamentaux ? 2020. URL: <https://www.dalloz.fr> (дата обращения: 03.10.2025).
30. ZEIT Online. Künstliche Intelligenz: Darf ein Sexroboter Nein sagen? 16.10.2016. URL: <https://www.zeit.de> (дата обращения: 03.10.2025).
31. Zweigert K., Kötz H. An Introduction to Comparative Law. Oxford, 1998.
32. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 on artificial intelligence (AI Act) // Official Journal of the European Union. L 2024/1689. 12.07.2024.
33. National Institute of Standards and Technology. Artificial Intelligence Risk Management Framework (AI RMF 1.0). Gaithersburg, MD: NIST, 2023.
34. Cyberspace Administration of China. Interim Measures for the Management of Generative Artificial Intelligence Services. Beijing, July 2023.
35. Buckland W.W. The Roman Law of Slavery. Cambridge: Cambridge University Press, 1908.
36. Zweigert K., Kötz H. An Introduction to Comparative Law. Oxford: Clarendon Press, 1998.
37. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Время и бытие. - М.: Республика, 1993.
38. Андерс Г. Устаревание человека. Т. 1. - М.: РИПОЛ, 2002.
39. Лем С. Сумма технологии. - М.: Мир, 1968.
40. Кант И. Основы метафизики нравов // Сочинения в 6 т. Т. 4. — М.: Наука, 1965.
41. Gaius. Institutiones. II.87.
42. Institutiones Iustiniani. II.9.3.
43. Resolution of the European Parliament with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics, 2017/2103(INL), 2016
44. Paris Charter on Artificial Intelligence, 2025.
45. United Arab Emirates. UAE Artificial Intelligence Strategy 2031; Cabinet Decision No. 21 of 2020. — Abu Dhabi, 2020. URL: <https://u.ae/en/about-the-uae/digital-uae/artificial-intelligence> (дата обращения: 04.10.2025).

46. United Arab Emirates. Federal Decree-Law No. 45 of 2021 on the Protection of Personal Data. — Abu Dhabi, 2021.
URL: <https://www.dataprotection.gov.ae> (дата обращения: 04.10.2025).
47. United Arab Emirates. Federal Decree-Law No. 46 of 2021 on the Establishment of Digital Government. — Abu Dhabi, 2021.
URL: <https://laws.uaecabinet.ae> (дата обращения: 04.10.2025).
48. Republic of India. The Digital Personal Data Protection Act, 2023 (No. 22 of 2023). — New Delhi: MeitY, 2023.
URL: <https://www.meity.gov.in/data-protection-framework> (дата обращения: 04.10.2025).
49. Republic of India. Information Technology (Intermediary Guidelines and Digital Media Ethics Code) Rules, 2021 (as amended 2023). — New Delhi: MeitY, 2023.
URL: https://www.meity.gov.in/writereaddata/files/Intermediary_Guidelines_and_Digital_Media_Ethics_Code_Rules_2021.pdf (дата обращения: 04.10.2025).
50. NITI Aayog & MeitY. National Strategy for Artificial Intelligence #AIforAll; Responsible AI for Social Empowerment 2024 (IndiaAI Mission Documents). — New Delhi, 2024–2025.
URL: <https://indiaai.gov.in> (дата обращения: 04.10.2025).
51. Электронный ресурс: [В России подготовлен проект закона о регулировании искусственного интеллекта — Digital Tales <https://dtales.media/2025/04/11/v-rossii-podgotovlen-proekt-zakona-o-regulirovanii-iskusstvennogo-intellekta/>](https://dtales.media/2025/04/11/v-rossii-podgotovlen-proekt-zakona-o-regulirovanii-iskusstvennogo-intellekta/)
52. Algorithmic Accountability Act of 2023 (S. 2892). Законопроект, внесённый в Сенат Конгресса США 28 сентября 2023 г. Доступно по ссылке: <https://www.congress.gov/bill/118th-congress/senate-bill/2892/text> (дата обращения: 04.10.2025).
53. NIST AI Risk Management Framework. Национальный институт стандартов и технологий США. Выпущен 26 января 2023 г. Доступно по ссылке: <https://www.nist.gov/itl/ai-risk-management-framework> (дата обращения: 04.10.2025).
54. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных». Собрание законодательства РФ, 2006, № 31 (ч. I), ст. 3451. Доступно по ссылке: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 04.10.2025).
55. Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». Собрание законодательства РФ, 2019, № 41, ст. 5669. Доступно по ссылке: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 04.10.2025).
56. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации» [Электронный ресурс] : принят Государственной Думой 15 июля 2020 г. : одобрен Советом Федерации 23 июля 2020 г. = Официальный интернет-портал правовой информации pravo.gov.ru. —
URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?backlink=1&docbody=&nd=102801499&prevDoc=102922469> (дата обращения: 05.10.2025).

УДК 316.48(075.8)

ББК 88.53я73

ПОНЯТИЕ «СПРАВЕДЛИВОСТИ И НЕСПРАВЕДЛИВОСТИ» В МОДЕЛИ КОНФЛИКТНОЙ СИТУАЦИИ

Кораблин Андрей Владимирович

Санкт-Петербургский государственный университет

Юридический факультет (1992)

Аннотация: В статье рассматриваются категории справедливости и несправедливости как ключевые элементы моделей конфликтных ситуаций. Исследование основано на философских и конфликтологических подходах, охватывающих три исторические эпохи — античность, эпоху Просвещения и современность. На примере трудов Аристотеля, Иммануила Канта и Мортена Дойча анализируется эволюция понимания справедливости — от этико-правового и религиозного измерений до социально-психологического и когнитивного. Показано, что идея справедливости, будучи моральным обоснованием поведения участников конфликта, одновременно выступает фактором его возникновения и механизмом урегулирования. Особое внимание уделено концепции «информационной модели конфликта» и связи между субъективным восприятием несправедливости и формированием конфликтных отношений.

Ключевые слова: справедливость, несправедливость, конфликт, конфликтология, информационная модель, Аристотель, Иммануил Кант, Мортон Дойч, социальная психология, философия права.

THE CONCEPT OF "JUSTICE AND INJUSTICE" IN THE MODEL OF A CONFLICT SITUATION

Korablin Andrey Vladimirovych

Saint-Petersburg State University (1992)

Abstract: The article considers the categories of justice and injustice as key elements of models of conflict situations. The study is based on philosophical and conflictological approaches covering three historical epochs: antiquity, the Age of Enlightenment and modernity. On the example of the works of Aristotle, Immanuel Kant and Morton Deutsch, the evolution of the understanding of justice is analyzed - from the ethical, legal and religious dimensions to the socio-psychological and cognitive. It is shown that the idea of justice, being the moral justification of the behavior of the participants in the conflict, is at the same time a factor in its emergence and a mechanism for its settlement. Particular attention is paid to the concept of the "information model of conflict" and the relationship between the subjective perception of injustice and the formation of conflict relations.

Keywords: justice, injustice, conflict, conflictology, information model, Aristotle, Immanuel Kant, Morton Deutsch, social psychology, philosophy of law.

ВВЕДЕНИЕ

Конфликт является результатом особого типа общения и поведения, и затрагивает практически все сферы человеческого существования: личную, бытовую, профессиональную и т. д. Понятие «конфликт» используется во многих областях знания – это психология и педагогика, социология, политология и лингвистика. По мнению многих специалистов наиболее развитую историю изучения конфликтов имеет психология, конфликтология – молодая наука и ее «послужной список» более скромнен. Начиная свой путь с XIX–XX вв., конфликтология развивается на базе теоретических методик, но со временем, в связи с расширением поля исследования проблемы, методики стали носить практический характер и стали более адисциплинарны.

Долгое время конфликт трактовался как «аномалия», болезнь, которую необходимо исключить из жизни общества, стремящегося к интеграции и согласию. Но жизнь раз за разом доказывала, что «аномалии» встречаются слишком часто для того, чтоб называться отклонением или исключением из правил.¹ Поэтому, с течением времени возникла необходимость в разработке современных методик регулирования и управления конфликтами, что в свою очередь потребовало тщательного изучения этого явления, причин возникновения и влияния на общество. Зачастую исследования в области конфликтов являются одновременным изучением проблем справедливости и несправедливости. Во многих случаях основанием для возникновения конфликта служит как раз осознание несправедливости, этот факт крайне важен и в свою очередь делает справедливость великой идеей, во имя которой совершаются подвиги, посвящаются песни, фильмы и философские труды.

Многие считают, что величие идеи справедливости в ее практической недостижимости, что делает ее вечной целью. Справедливость, которая служит для морального обоснования позиции каждого участника конфликта, заботит всех, независимо от наличия или отсутствия теоретической базы, но только действия могут что-то изменить. Таким образом, проблема познания понятий справедливость и несправедливость, их роли в возникновении конфликтов – одна из ключевых задач современной науки. Развитие методов познания и практических средств, соответствующих современному обществу, неиссякаемый интерес к поиску универсальной формулы реализации справедливости позволит формировать качественную правовую базу, управлять и регулировать конфликтами, что объясняет **актуальность** избранной темы статьи: «Понятие "справедливости и несправедливости" в модели конфликтной ситуации».

Целью данной статьи является проведение анализа понятий справедливость и несправедливость, их роли в контексте модели конфликтной

¹ Гришина Н.В. Психология конфликта. 2-е изд. – СПб.: Питер, 2008, с.34.

ситуации и формирование этих понятий на примере трудов мыслителей трех разных исторических периодов.

Объект – понятия справедливости и несправедливости в контексте конфликтологии.

Предмет - исследования роли справедливости и несправедливости в возникновении конфликтов.

Соответственно цели, определены **задачи** исследования:

1. Изучение основных теоретических моментов конфликтов, моделей конфликтных ситуаций, роль справедливости и несправедливости в конфликтной ситуации.

2. Анализ формирования понятий справедливость и несправедливость в историческом срезе, их эволюция и обзор трудов Аристотеля, Иммануила Канта и Мортон Дойча на предмет их видения роли справедливости (несправедливости) в конфликтах.

3. Анализ особенностей исследования понятий справедливости и несправедливости конфликта представителями трех различных эпох, выявление сильных и слабых сторон теорий. Оценка методик поиска универсальной формулы справедливости и определение вектора их развития.

Поставленные цели и задачи исследования определили **структуру работы**, которая состоит из введения; двух глав, в первой из которых рассматриваются краткие теоретические сведения о конфликтах, информационных моделях конфликтов, понятия справедливость несправедливость и их роль в возникновении конфликтов, а во второй анализируются труды величайших представителей философской мысли трёх различных исторических эпох – Аристотеля, И. Канта и М. Дойча на предмет определения роли справедливости в конфликтах; заключения, содержащего выводы по итогам исследования и списка использованных источников. При написании статьи использован теоретический метод анализа литературных источников, электронных ресурсов, а также изучены авторские работы и практические исследования, представленные интернет-источниками.

Глава 1. Общие сведения о моделях конфликтных ситуаций, понятиях справедливости и несправедливости и их роли в возникновении конфликта.

1.1 Виды конфликтных ситуаций, причины их возникновения, модели конфликтных ситуаций.

Понятием конфликт оперируют многие отрасли науки, соответственно этот термин имеет множество значений и определений, но объединяет их всех слово «борьба» – междоусобицы, соперничество и войны. Таким образом можно сказать, что: «Под конфликтом понимается наиболее острый способ раз решения значимых противоречий, возникающих в процессе взаимодействия, заключающийся в

противодействии субъектов конфликта и обычно сопровождающийся негативными эмоциями».²

Конфликты – неизбежные спутники человечества на протяжении всей истории и «важнейшая сторона взаимодействия людей в обществе, своего рода клеточка социального бытия».³ Подобно электронам, основным структурным единицам земного вещества, имеющим в одночасье свойства волны и частицы, конфликты, составляющие узоры на ткани человеческих взаимоотношений, одновременно представляют собой и систему, и процесс. Конфликт как система имеет свою структуру – конструкцию устойчивых связей, идентифицирующих его и отличающих от других явлений. Под структурой понимают набор следующих единиц: стороны конфликта, его условия, предмет, действия участников и результат конфликта.

Конфликт как процесс характеризуется динамикой, этапами своего развития, стадиями напряженности.

Существует много видов классификаций конфликтов – по содержанию, источнику конфликта, структуре взаимоотношений, характеру протекания, направленности и т.д. Согласно одной из них существуют такие конфликты, как: физический (одновременное стремление нескольких сторон захватить одно и то же пространство), политический (навязывание политики другой стороне), идеологический (противоборство систем интеллектуальных ценностей) и законодательные (спору об утверждениях, обоснованных общепризнанными процедурами). Объединение всех этих видов конфликтов порождает войну. Конфликт стремится стать войной, а война стремится стать затяжной и глобальной.⁴

Возникновение и развитие конфликтов может быть вызвано как объективными (например, организационно-управленческими), так и субъективными причинами, к последним относят социально-психологические и личностные. При этом, необходимо отметить, что нет ни одного конфликта, который был бы обусловлен сугубо субъективными или объективными причинами, поэтому существует комплекс субъективно-объективных причин.⁵

Предпосылкой для возникновения конфликта является определенная ситуация, провоцирующая на противостояния – это так называемая конфликтная ситуация. Как правило, любая трудная жизненная ситуация с которой сталкивается человек может перерасти в конфликтную, и далее трансформироваться в конфликт. По мнению многих специалистов, для того чтобы конфликт стал реальностью, необходимо осознание определенной ситуации ее участниками, как конфликтной – это и есть тот самый «спусковой крючок» возникновения конфликта. Субъективность отражения характеристик взаимодействия участников

² Гришина Н.В. Психология конфликта. 2-е изд. – СПб.: Питер, 2008, с.21.

³ Здравомыслов А.Г. Социология конфликта: Россия на путях преодоления кризиса: Учеб. пособие для студентов высших учебных заведений. – 2-е изд., доп. - М.: Аспект Пресс, 1995.

⁴ Рябцев В.Н., Шитив М.А. Конфликтология: Хрестоматия – Р., РГУ, 2001.

⁵ Анцупов А.Я., Баклановский С.В. Конфликтология в схемах и комментариях: Учебное пособие. – 4-е издание. – М.: ООО «Проспект», 2015

конфликта проявляется в невозможности однозначной взаимосвязи возникновения конфликта с наличием объективных факторов.⁶ В отличие от нейтрального общения, в ходе конфликтной ситуации восприятие сильно искажено, степень его субъективности порой зашкаливает и эти изменения отражаются на процессе протекания конфликта и его завершении. Любой человек не просто реагирует на ситуацию, а «определяет» ее и себя в ней, как бы моделируя конструкцию конфликта.⁷ Соответственно можно сказать, что информационная модель конфликта (образ) является полноправным элементом структуры конфликта. В конфликтологии этот термин появляется относительно недавно – в конце 60-х годов прошлого столетия. Рассмотрим подробнее это понятие.

Под образом конфликтной ситуации понимается субъективный рисунок данной ситуации, сложившийся в психике ее участников. Например, рассчитывая на определенную долю благ каждый полагается не на теории или концепции, а исключительно на собственное мнение. Модель конфликтной ситуации состоит из: представлений оппонентов о себе (своих целях и мотивах и т. д.), аналогичных представлений о «противнике»; представлений каждого о том, как его воспринимают другие; представлений о среде, в которой складываются конкретные отношения. «Таким образом, между факторами объективной ситуации и их восприятием возникла некоторая переменная – позиция индивида относительно этой ситуации, его место в системе взаимоотношений с соответствующими правами, обязанностями, степенью ответственности и т.д. которая оказала более сильное влияние на его оценку ситуации, чем объективные аспекты самой этой ситуации».⁸ Получается, что реальность и модель, созданная участником могут иметь различные степени искажений, отклонений, соответствия и несоответствия.

Различают четыре случая степени соответствия образа и реальности:

1. Конфликта как социально психологического явления нет (конфликтная ситуация объективно существует, но не осознается участниками)
2. Конфликт неадекватно воспринят (конфликтная ситуация объективно существует и осознается участниками с существенными отклонениями от действительности).
3. Объективное отсутствие конфликта – ложный конфликт (отношения сторон ошибочно воспринимаются ими как конфликтные).
4. Объективное существование конфликта и воспринимается участниками адекватно.

Оппоненты формируют информационную модель конфликта по отношению друг к другу следующим образом: «Возложение ответственности за конфликт на другого, как и наделение его негативными чертами, типично для формируемого образа ситуации, на основании которого оппоненты строят свои дальнейшие

⁶ Гришина Н.В. Психология конфликта. 2-е изд. – СПб.: Питер, 2008, с.192.

⁷ Гришина Н.В. Психология конфликта, с.199.

⁸ Гришина Н.В. Психология конфликта, с. 210.

действия».⁹ С проблемой формирования информационной модели конфликта тесно связаны понятия справедливость и несправедливость.

1.2 Понятие о справедливости. Эволюция понятия «справедливости» в историческом срезе.

Справедливое, мирное общество без распри и военных конфликтов было мечтой человечества во все времена. Казалось бы, что сложного, нужно просто поставить во главе мудрых людей и придумать справедливые законы. Величайшие умы задавались вопросом что такое справедливость, и существует огромное количество мнений что нужно понимать под этим термином. Справедливость – это некое должностование, правильность и при этом очень субъективная категория.

Каждая эпоха затрагивала тему справедливости, и каждый исторический этап давал свои определения этому понятию, согласно тем условиям в которых жили современники и их представлениям об окружающем мире, порядке вещей, общественному строю и месту индивидуума в нем. К примеру, как в историческом срезе меняется представление о правах человека – так соответственно меняется и понятие справедливости. Зачастую права человека отождествляли со справедливостью или же определяли ее как один из правовых принципов.

Первоначально примитивное человечество подчиняло справедливость мистике – религиозные жертвоприношения, в том числе и человеческие, табу. Вера народа не были связаны с чувством справедливости, и совершенно не имело значения как человек вел себя на протяжении жизни к тому куда он попадает после смерти. Затем на протяжении многих веков понятие справедливость было включено в теологическую картину мировоззрения.

Древнегреческая цивилизация породила две противостоящие друг другу концепции. Первая – народная концепция, которая провозглашала богов ведающими человеческой справедливостью. Боги могли вести себя, как угодно, а человек соответственно должен был подчиняться судьбе. В этой концепции было два вида справедливости – внутренняя поведенческая (в пределах социальной жизни индивидуума) и внешняя – межгрупповая (межсемейная). Величайшие философы Платон и Аристотель создают другую, свободную от религиозных корней концепцию, отождествляя справедливость и нравственность. Это так называемая универалистская концепция, в которой нравственность равнялась философии права. Согласно Платону – справедливость есть высшая добродетель.

Последователи древнегреческой школы стоицизма постепенно смешивают справедливость с законом мироздания которому подчиняются все люди в равной степени. Римляне используют эти идеи развивая уравнивающий аспект справедливости – «справедливость есть постоянная и неизменная воля воздавать каждому свое».

Древнееврейские пророки развивают идею справедливости в три стадии, обусловленные этапами существования иудеи – справедливость первой стадии –

⁹ Анцупов А.Я., Баклановский С.В. Конфликтология в схемах и комментариях: Учебное пособие.

Божественная (идеальная), затем религиозная (строгое соблюдение обрядов, фарисейство), затем эсхатологическая (справедливость спасения мира). Последняя трактовка справедливости связана с периодом после иудейского плена и впоследствии она претерпевает изменения, связанные с приходом христианства.

Христианская религия оставляет понятие справедливости в теологическом поле основывая его на благодати и ограничивает милосердием и любовью, соответственно ассоциируясь с «Божьим порядком», его волей. Главное предназначение справедливости – карать за грехи. Провозглашается, что опорой справедливости может быть только церковь как проявление Града Божия на земле. Соответственно государство, независимое от церкви, к справедливости отношения не имеет. Фома Аквинский вносит модификации в эту трактовку, он различает человеческую справедливость (естественное право) от Божественной (вечное право). То есть государство также может быть опорой справедливости при сохранении церковного верховенства. Фома Аквинский подобно Аристотелю разделяет справедливость на уравнивающую и распределяющую, но вкладывает в эти понятия свой смысл. Так уравнивающая справедливость – поле обмена и договора, а распределяющая есть творения распорядительной власти. Ученики святого Фомы продолжают шаги к выведению понятия справедливости из церковного ведомства.

Полная секуляризация справедливости происходит после эпохи Возрождения, когда человеческое общество переносит идею спасения в сферу мирской человеческой деятельности. Это происходит не сразу, а поэтапно: В XVI веке происходят политические события, несколько укрепившие теологическую концепцию справедливости (теория монархомахов). Согласно монархомахам, договор между народом и правительством, скрепленный Богом и есть справедливость. Здесь можно увидеть предпосылки к принципу договора, закрепленному в индивидуалистических теориях справедливости XVII-XVIII вв. В эту эпоху происходит утверждение школы «естественного права», основанная на естественной, очевидной для человеческого разума справедливости, исключая всякие сверхъестественные рассуждения. В пределах данной школы существовало два направления – индивидуалистическое и универсалистское (социальное). Оба эти направления являлись секуляризованными и рационалистическими, но при этом представления о справедливости в рамках каждого достаточно существенно различались.

Итак, продолжая эволюционировать, понятие справедливости в XVII согласно Френсису Бекону – «то, что объединяет людей и создает основания для права». Томас Гоббс (механистический, натуралистический индивидуализм) отождествляет справедливость с распорядительной волей государства, и именует ее, как: «правило разума, запрещающего нам делать что-либо что пагубно для нашей жизни, из чего следует что справедливость есть естественный закон».¹⁰ У Руссо наиболее ярко прослеживается представление справедливости как продукта

¹⁰ Булгаков В.В., Булгакова Д.В. Понятие «справедливость» на исторических этапах развития общества //Электронный ресурс: <http://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-spravedlivost-na-istoricheskikh-etapah-razvitiya-obschestva>

субъективного сознания равного у всех индивидуумов. Кант утверждает, что справедливость – это категорический императив (далее этот вопрос будет более подробно рассмотрен в рамках данной работы). Руссо, Кант, Локк являлись представителями традиций индивидуалистического понимания права, их справедливость есть синтез свободы и равенства, а соответственно феодальный режим, абсолютная монархия и сословные привилегии незаконны.

В XVII в. голландский юрист и ученый Гуго Гроцио публикует труд «О праве войны и мира», в котором утверждает, что справедливость существует по природе человека, а не по воле Бога.

Готфрид Лейбниц, являющийся завершителем философии XVII в. и предшественником немецкой классической философии, определял концепцию социального целого, как совместного действия разумных существ. Представители концепции социального права Лейбниц, Гроций и их последователи считали, что «справедливо то, что разумно совершенствует общество». Конец конфликта между индивидуальным и всеобщим – синтез целого и его частей, справедливость примиряет в себе и превосходит принципы уравнивания распределения и универсализации являясь промежуточным звеном между любовью и разумом. При этом, как считал Лейбниц и последователи, границы между понятиями справедливости и нравственности не должны привести к полному их разделению. Эта теория имеет продолжение в трудах многих мыслителей XIX-XX вв. и имеет особое значение для развития идеи международной справедливости, ведь каждая социальная группа рассматривается как сфера справедливости вне зависимости от роли государства соответственно ориентируя на сотрудничество в обществе сверх государственном.

Начало XIX в. – немецкий философ-диалектик Георг Гегель говорит об относительности понятий справедливости и несправедливости и согласно его философии, первая в любой момент может обернуться в несправедливость.¹¹

В XIX веке появляются первые социалистические доктрины, критикующие неравенство базируясь не на идее справедливости, а на идеях экономического процветания любви и братства. По Марксу – справедливость — это выражение насущных экономических отношений, учитывающих конкретную экономическую ситуацию, и зависит от существующего способа производства, несправедливо все что не соответствует данному способу производства.

В 1858 году издается книга «О справедливости в революции и в церкви», ее автором является французский политик и философ Пьер Прудон, представший за это произведение перед судом и приговоренный к заключению сроком на три года. Это наиболее объемное произведение, посвященное справедливости, согласно которому она является промежуточным состоянием между коллективными силами и общественным духом. Для осуществления справедливости нужно установить уравнивание в положении членов общества путем совершенствования государственного законодательства (защита социально уязвимых слоев населения и т. д.).

¹¹ Юридический справочник//Электронный ресурс: <http://www.bibliotekar.ru/4-0-2-2-yurisprudenciya/93.htm>

Теория утилитаризма (Д. С. Милль) гласит: справедливо то, что приносит максимальное количество пользы, при этом учитывается только количественный критерий пользы, а значит, что, если множество людей получит пользу или удовольствие от несчастья или страданий нескольких – это оправданно должно быть принесено в жертву. Неолибералы (Г. Самуэль Л. Джордж) занимают приближенную к Прудону концепцию и требуют установления равенства в исходном положении, т. е. минимального жизненного стандарта. Спенсер (интеграция через дифференциацию), делает выводы схожие с кантовскими, но при этом основывается на естественном законе выживания сильнейшего и борется против политики поддержки неблагополучных слоев населения.

Внес вклад в понимание справедливости и русский философ Соловьев. Он отождествлял справедливость с нравственностью, с альтруизмом – обеспечить равенство людей, никого не обижать, всем помогать.¹² Таким образом, идеи классиков создали прекрасную базу для последующего развития данной сферы исследования.

Современные классики конфликтологии по версии многих специалистов это англо-немецкий социолог Ральф Дарендорф, и американец немецкого происхождения Льюис Козер, являющиеся последователями Маркса и Зиммеля. Их идеи стали основанием современной конфликтологии, продолжая развивать основные направления их предшественников. Так Дарендорф продолжает диалектическую теорию конфликта по Марксу, а Козер позитивный функционализм, опираясь на идеи Георга Зиммеля.

Наиболее полно современная концепция справедливости разработана Джоном Ролзом в его работе «Теория справедливости». Согласно его труду, справедливость — это честность и базируется она следующих принципах: равенство - исходное состояние людей и получение благ за счет другого недопустимо.

Как видно, развитие сферы исследований в области понятия о справедливости не было простым, и с течением времени претерпевает значительные изменения – от данной Богом до установленной правом как ограничителем естественной свободы.

1.3 Справедливость и несправедливость в модели конфликтных ситуаций.

Стоит лишь нарушить привычный уклад человеческой жизни, посягнув на что-либо представляющее для него ценность, как включаются понятия справедливость и несправедливость. На основании этого построено множество

¹² Вилков А. А. Трактовки справедливости и несправедливости и их использование в современных политических процессах//Электронный ресурс: <http://cyberleninka.ru/article/n/traktovki-spravedlivosti-i-nespravedlivosti-i-ih-ispolzovanie-v-sovremennyh-politicheskikh-protsessah#ixzz4eg9TKPnD>

концепции справедливости – от древнейших весов Фемиды до современной концепции «маятник».¹³

Чаще всего понятие справедливость связывают с распределением (как материальных, так и нематериальных благ). В результате коллективной деятельности каждый участник вкладывает определенные усилия и рассчитывает получить вознаграждение. Участник, получивший ожидаемое вознаграждение считает, что это справедливость, а те, кто ожидал большего, но получил меньше – соответственно говорят о несправедливости. Проблема состоит в том, что чаще всего требования людей вступают в противоречия – мы хотим больше, чем нам готовы предоставить, соответственно человек всегда будет стремиться к идеальной справедливости. Таким образом, человеческое недовольство действительностью, то есть несправедливостью, есть двигательная сила к улучшению общества, способная сплотить людей во имя великой цели – «Концепция несправедливости включает в себя идею неравенства, причем неравенства недопустимого, незаслуженного, неприемлемого, ущемляющее наше собственное достоинство. Возможно, именно в ущемлении чувства собственного достоинства (которым наделен каждый человек — правда, в разной степени) и кроется причина того, что борьба с несправедливостью всегда будет находить своих сторонников».¹⁴

Влияние несправедливости на дальнейшие действия обиженной стороны зависят от качественного и количественного характера этой конкретной несправедливости. Кроме того, несправедливость может быть, как кратковременным актом, так и состоянием, когда индивидуум постоянно ощущает несправедливость в силу сложившегося порядка вещей. В последнем случае возникает либо реакция противодействия, либо эффект привыкания и восприятие несправедливости как нормы существования. Если количественная характеристика несправедливости может быть охарактеризована, например, силой продолжительностью и интенсивностью воздействий то качественный критерий зависит от системы ценностей индивидуума. Таким образом интенсивность реакции человека будет тем выше, чем значимей интерес в его шкале ценностей.

Итак – справедливость и несправедливость как ценность и антиценность являются взаимопроникающими категориями и неразрывно связанными. Этот факт нельзя игнорировать, иначе получается, что существует некое идеальное справедливое действие и настолько же идеальное несправедливое. Если задаться вопросом: «Нужна ли справедливость в идеально гармоничном обществе святых?», то напрашивается ответ: нет, справедливость по природе своей предполагает существование конфликтов, это та призма, через которую мы воспринимаем жизнь (общественную, политическую, экономическую, личные отношения и т.д.). Пренебрежение справедливостью в любой из областей

¹³ Оленин Н.Н. Человеческое измерение справедливости//Электронный ресурс:

<http://cyberleninka.ru/article/n/chelovecheskoe-izmerenie-spravedlivosti>

¹⁴ Русакова О. Ф. Концепция справедливости в левом политическом дискурсе//Электронный ресурс

<http://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-spravedlivosti-v-levom-politicheskom-diskurse>

существования цивилизации не однажды меняло русло реки человеческого бытия. Нужно заметить, что каждая сторона конфликта имеет свое представление о справедливости (и этих представлений может быть множество) – у каждой стороны свое видение конфликтной ситуации своя информационная модель, свои варианты решения проблемы. Поэтому несмотря на значимое место справедливости в оценках поведения действий и их последствий не может служить критерием для регулирования отношений между участниками конфликта. Для того чтобы этот критерий (понятие справедливости) был адекватным – он должен совпадать у конфликтующих сторон. В этом случае в поисках справедливости и появляется третья незаинтересованная сторона, способная рассмотреть проблему с объективной точки зрения опираясь на какие-то общепринятые нормы - закрепленные формы законодательства или же определённые традиции. Но даже в этом случае справедливость будет лишь частично менее спорной ведь источник нормы тоже может быть оспорен либо ее применение, трактовка и т. д.

Нельзя не упомянуть о том, что существует во многом самостоятельный, автономный объект социально-философского исследования – это социальная несправедливость. Собственно, она и есть та самая диспропорция распределения жизненных благ, ресурсов бытия воспринимаемая сознанием индивидуума. Социальная несправедливость есть естественное исходное свойство отношений людей в политическом, экономическом и социальном плане.

Социально-гуманитарные науки уделяли особое внимание исследованию социальной справедливости-несправедливости. Особая актуализация этой проблемы совпадала с напряженными периодами в истории – революциями, идеологическими модернизациями, социально-политическими изменениями. Предмет социальной несправедливости зачастую использовался в качестве пропаганды, идеологического оружия и ресурса политической борьбы с властью держащими. При этом справедливость являлась целью, идеологической ценностью побеждающих групп. Примером этого может послужить революция начала XX в России.

Рост деструктивности, связанной с несправедливостью, в общественном сознании предопределяется несправедливым распределением. Эти деструктивности сознания, субъективные напряженности имеют очень большое значение для человеческого общественно- социального бытия. Можно выделить три группы социальных направлений духовной сферы, которые в настоящее время должны стать предметом пристального социально-философского анализа.

Первая группа – это генезис, развитие ресурсов социальной деструктивности группового классового сознания социальных слоев, недостаточно наделенных социальными благами. Речь идет о наемных работниках и всех, кто приобретает жизненные блага путем трудовой деятельности, т. е. не обладает ресурсами собственности, иным накопленным материальным богатством или властью. Это направление глубоко исследовалось в рамках марксистской политически-экономической парадигмы.

Следующее направление генезиса «духа несправедливости» связано с несправедливостью существования, бытия и созданием материальных, финансовых ресурсов, частной собственности, личной власти, являющихся неадекватными и противоречащими социальным, нравственным и правовым нормам общества. В данный момент — это направление не имеет достаточно глубокого систематизированного анализа.

Третье направление определяется типами, моделями взаимодействия между субъектами, различающимися по показателям жизненных благ.

Многообразие социальных отношений этого направления можно структурировать в следующие группы:

- 1 Враждебные отношения
- 2 Антагонистические отношения;
- 3 Клиентальные отношения;
4. Партнерские отношения;
5. Солидарные отношения.

В своих размышлениях о диалектике справедливости и несправедливости известный ученый Поль Рикер пишет: «...Я намеренно ставлю несправедливое впереди справедливого - что, впрочем, весьма часто и явно намеренно делают Платон и Аристотель».¹⁵ И далее, касательно теоретических, философских аспектов исследования идеи справедливости отмечает, что «философская теория справедливого... находит первую опору в утверждении, согласно которому самость формирует свою идентичность только в структуре отношений, где диалогическое измерение преобладает над монологическим...».¹⁶

Очень тщательно исследует проблему справедливости в модели конфликтных ситуаций наш современник Мортон Дойч, чьи труды, наряду с учениями о справедливости представителей двух других эпох — Аристотеля и классика философии эпохи Просвещения Иммануила Канта будут более подробно рассмотрены в следующей главе данной статьи.

Глава 2. Формирование понятия о справедливости и несправедливости, понимания их роли в возникновении конфликтных ситуаций на примере анализа трудов Аристотеля, Иммануила Канта и Мортон Дойча.

2.1 Аристотель и его «Этика».

¹⁵ Рикер П. Справедливое/ Пер. Б. Скуратова при участии П. Хицкого. — М.: Гнозис : Логос, 2005.

¹⁶ Каменская М. В. Социальная несправедливость: сущность и проявления //Электронный ресурс: <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-nespravedlivost-suschnost-i-indikator-proyavleniya#ixzz4egBthmgo>

Аристотель (384 до н. э. – 322 до н. э.) – древнегреческий философ, автор впечатляющего количества трудов, охвативших все отрасли науки того времени. Он оставил после себя богатое наследие многочисленных рукописей, хотя знатоки утверждают, что до нас дошла всего лишь четвертая часть из них. Аристотель является основателем грамматики, логики, риторики и совершил много новых открытий в зоологии. Его идеи обогатили социологию, политику, естествознание, философию искусства и дополнили анатомические знания, оказывая огромное влияние на эти направления науки и по сей день.

Аристотель родился в городе Стариге (греческой колонии) в семье эллинов, приближенных к македонскому царском двору, что впоследствии сыграло немаловажную роль в его судьбе. Отец Аристотеля, Никомах, был личным врачом македонского царя, он занимался естественными науками и медициной, что оказало значительное влияние на формирование увлечений юного философа. В возрасте около 15 лет Аристотель остается сиротой, и далее его воспитывает опекун Проксен, давший ему первоначальное образование и прививший любовь к наукам и чтению. Для продолжения обучения Аристотель отправился в Афины, где и прожил последующие 20 лет. В Академии талантливого ученика замечает сам основатель – Платон, чьи идеи стали предшественниками философии Аристотеля. Между ними устанавливаются дружеские отношения, и они оставались таковыми еще долгие годы, хотя в последствии Аристотель отступил от учения Платона. Согласно философии Платона – помимо мира чувственного, существует обособленный мир идей (общие понятия сознания человека). Аристотель же полагал, что идея должна заключаться в нем самом, и потому отрицал существование такого одностороннего, самостоятельного мира сознания, говоря, что идея и явление неразрывно связаны. Эти взгляды становятся основой философии Аристотеля и отраслью нового знания – рациональной логики.¹⁷ Вообще, свои труды Аристотель делит на четыре раздела – теоретические знания (физика, математика и метафизика), практические знания (этика, экономика и политика), творчество (поэзия, риторика) и отдельная группа трудов «Органон» (логика), являющаяся как упоминалось выше, краеугольным камнем философии Аристотеля. Рациональная логика представлена в его трудах столь полно, что последующие поколения практически не привнесли никаких дополнений.

Сообразно цели данной статьи более пристальное внимание уделяется рассмотрению трактата «Этика», именуемой учеными «Никомаховой этикой». В частности, Книге V, посвященной справедливости – правосудности (*dikaiosyne*) и несправедливости (*adikia*).¹⁸ «Этика» была написана Аристотелем для его сына Никомаха, и в ней изложены основные понятия о нравственной жизни человеческого индивидуума.

Согласно трактату, Аристотель, выводит понятие справедливости из-под народного понимания ее природы – религиозности. Впрочем, если быть точнее,

¹⁷ Аристотель. Биография [Электронный ресурс]// <http://rushist.com/index.php/greece-rome/2204-aristotel-biografiya>

¹⁸ Аристотель Этика (К Никомаху) книга V [Электронный ресурс]// <http://kant.narod.ru/arist.htm>

это сделал еще Платон. Оба философа не делали различий между справедливостью и нравственностью, они унифицировали концепцию, отождествляя понятия философии права и нравственности. Аристотель вносит модификации в первоначальную теорию Платона и в его трактовке справедливость предполагает определенную меру равенства: «Таким образом, справедливое равенство — это середина между "больше" и "меньше", а нажива и убыток — это "больше" и "меньше" в противоположных смыслах, т. е. больше блага и меньше зла – нажива, а наоборот – убыток. Серединой между тем и другим оказывается справедливое равенство, которое мы определяем, как правосудное, следовательно, исправительное право[судие] подразумевает середину между убытком и наживой».¹⁹

Аристотель делит справедливость на два типа: арифметическую (основанную на тождественности) и геометрическую (пропорциональную, эквивалентную): «...существует несколько [видов] правосудности и что наряду [с той, которая совпадает] с добродетелью в целом, существует некая другая; осталось выяснить, что это и каково оно».²⁰

Если дать краткую характеристику арифметической справедливости – то это справедливость уравнивающая, находящаяся в компетенции судьи. Таким образом, гражданско-правовые сделки, наказания и возмещение ущерба происходят по ее правилам. Что касается геометрической справедливости – это справедливость, распределяющая общие блага, права и имущество сообразно заслугам того или иного члена общества и должна находиться в ведомстве законодательном. Кроме того, имеется третий аспект справедливости, как системы, соотносящей уравнивающую и распределяющую справедливости – это связано с тем, что высшее благо у Аристотеля – равновесие (золотая середина): «Поскольку неправосудный несправедлив и неправосудное несправедливо, ясно, что между [крайностями] несправедливого существует некая середина. Это и есть справедливое равенство (to ison), ибо, в каком действии возможно "больше" и "меньше", в том возможно и справедливое равенство». Таким образом, по Аристотелю справедливость не заключается в равном распределении благ и правосудии, а состоит в правильной оценке объемов труда и степени его сложности, измеряющейся деньгами: «Некоторым кажется, что воздаяние равным безусловно справедливо... Однако воздаяние равным нельзя подвести ни под понятие распределяющей справедливости, ни под понятие уравнивающей».²¹

Остановимся подробнее на том факте, что, разделяя положения Сократа и Платона о совпадении справедливого и законного, Аристотель отмечает, что понятие справедливости связано с представлением о государстве поскольку право является критерием справедливости и регулирующей нормой политического общения. В свою очередь политическое право делится на естественное (имеющее одинаковое значение независимо от признания или непризнания) и условное, определенное и установленное по воле. Отношения «господин – раб»

¹⁹ Там же

²⁰ Там же

²¹ Аристотель Этика (К Никомаху) книга V [Электронный ресурс]// <http://kant.narod.ru/arist.htm>

рассматриваются Аристотелем как отношения семейные, а не государственные (вспомним о том, сам что он, овдовев, женился на рабыне покойной супруги):

«...Для одного человека полезно и справедливо быть рабом, для другого господином... Дурное применение власти не приносит пользы ни господину, ни рабу; ведь что полезно для части, то полезно и для целого, что полезно для целого, то полезно и для души; а раб является своего рода частью господина, как бы одушевленной и отделенной частью».²²

Подведя итог, можно сказать, что основная причина конфликтов по мнению Аристотеля – отсутствие равенства и искажение принципа справедливости. Вне сомнений он был одареннейшей личностью, соединявшей в себе небывалый размах философской мысли и активную политическую деятельность. Его общественное положение позволило ему сделать для науки столь много, сколь долгое время после него не мог никто. Как истинный патриот Греции, Аристотель мечтал восстановить свободу греческих полисов под властью гуманных македонских царей. Воспитывая Александра Македонского, будучи сам возвышенных взглядов на лучшее в человеке, Аристотель сделал все от него зависящее чтобы передать это венценосному воспитаннику. Но, к сожалению, из философствующего монарха очень скоро произошел жестокий тиран, желающий не свободной процветающей Греции, а ее рабского подчинения. После смерти Александра Аристотель сталкивается с консерватизмом греческих патриотов, убийственным для просвещенного философа, кроме того, эти патриоты также видели в Аристотеле врага. По некоторым данным, они готовы были расправиться с ним так же, как в свое время расправились с Сократом, тогда Аристотель принял яд добровольно, как человек «...для которого даже сама смерть оставалась актом мудрости и невозмутимого спокойствия».²³

2.2 Иммануил Кант о справедливости.

Иммануил Кант (1724–1804) – профессор логики и метафизики, видный представитель немецкой классической философии, во многих источниках именуемой вершиной философской мысли до XX в.

Кант родился в городе Кенигсберг (Пруссия), где и прожил размеренную спокойную жизнь, трудясь на преподавательском поприще. Добавим еще несколько штрихов к его портрету – будучи закоренелым холостяком, он любил общество умных и воспитанных женщин, друзья уважали и ценили его лекторский талант, кроме того, Кант славился своей необыкновенной пунктуальностью. Говорят, что лишь однажды он опоздал на ежедневную прогулку – будучи увлеченным чтением произведения «Эмиль» авторства Жан-Жака Руссо. Именно его идеи Кант впоследствии назовет фактором, приведшим его к «коперниканскому перевороту» в философской мысли.

²² Рождественский Ю.В. Теория риторики [Электронный ресурс]// Libros.:http://www.libros.am/book/read/id/362387/slug/teoriya-ritoriki#TOC_idp142320

²³ Лосев А. Ф., Тахо-Годи А. А. Платон. Аристотель – М., Мол. гвардия, 1993.

Что касается исторических декораций, то в этот период в обществе происходят перемены, связанные с бурным развитием науки, государства Европы идут по пути просвещения, а соответственно церковь, и религия в целом значительно ослабляют свои позиции. Традиционные устои всех сфер бытия, существовавшие многие века были подорваны так глубоко, что создается новая система социума, в которой появляется свободная личность с индивидуально ответственной формой поведения.²⁴

Соответственно этим переменам, изменений требовали и понятия о нравственности, справедливости, философии прав человека в рождающемся новом обществе. Изучение вопросов справедливости занимает особое место в философии Канта, в своем труде «Метафизика нравов», философ отмечает: «"...если исчезнет справедливость, жизнь на земле уже не будет иметь никакой цены". Он также говорил о том, что ничто не возмущает нас больше, чем несправедливость; все другие виды зла, которые нам приходится терпеть, ничто по сравнению с ней».²⁵

В основе его представлений о справедливости лежат этические понятия свободы – это ядро, центр всей практической философии Канта. Основополагающий принцип справедливости межчеловеческих отношений – это свобода индивида. В дальнейшем этот принцип станет родоначальником либералистских концепций справедливости (начиная с трудов Майкла Дойла - американского правоведа). Свободная воля человека по Канту – это разумная, моральная воля и практическая способность индивида к законодательству.

В 1793 году появляется трактат «Религия в пределах только разума», где Кант впервые различает понятия моральной и правовой справедливости. Разум диктует человеку то, что должно быть для него законом, отрицать эти предписания, все равно что отрицать моральную природу индивидуума. Взаимоотношения людей имеют этическую (нравственную) и правовую стороны, на основании различий между ними Кант выводит формулу «суда справедливости», состоящую из «суда совести» - моральной справедливости и «суда права». Первенство правовой справедливости перед моральной неоспоримо – это идет в разрез с существующим ранее принципом об обосновании правовой справедливости на основе божественной (моральной). Кроме того, правовая справедливость должна насаждаться принудительно и только тогда можно рассчитывать на осуществление моральной справедливости в обществе. «Справедливость Кант рассматривал как меру морального достоинства принуждающей власти, как обязательное условие нравственного признания власти со стороны подданных, уважения и доверия к ней».²⁶

Согласно Канту, справедливость должна быть высшим основанием власти для издания законов и высшей добродетелью того, кто воплощает эти законы в

²⁴ Кант И. Лекции по этике. М.: Республика, 2005

²⁵ Кирсанова Ольга Викторовна Справедливость и право в этических взглядах И. Канта и Г.В.Ф. Гегеля// Электронный ресурс: <http://cyberleninka.ru/article/n/spravedlivost-i-pravo-v-eticheskikh-vzglyadah-i-kanta-i-g-v-f-gegelya#ixzz4ey7Lusmx>

²⁶ Соловьев Э.Ю. Категорический императив нравственности и права. М.: Прогресс-Традиция, 2005. С. 213.

жизнь. «справедливость есть безусловная норма индивида, поставленного (или угодившего) в положение судящей и принуждающей инстанции - высшая моральная максима третейских решений».²⁷

Философ различает карающую и распределительную справедливость. В первом случае речь идет о назначении справедливого наказания, равного причиненному ущербу (например, уголовное наказание кара за преступление), во втором – справедливого заслуженного вознаграждения. Забота об этой справедливости – первая обязанность власти, все остальные цели подчинены этому и вторичны. Таким образом, стремление повысить благосостояние общества не может быть выше справедливости и находиться в противоречии с ней. Категорический императив Канта – это некая концепция морали: «поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого, так же как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству».²⁸ Наказание — это требование категорического императива. Согласно Канту, существует конфликт между должным и сущим, между моральным идеалом и действительностью.

В очерке «Идея всеобщей истории...» Кант утверждает, что «справедливость в ее совершеннейшей форме» образует наилучшую базу для соперничества человеческих сил и способствует эффективному и динамичному развитию общественных отношений.²⁹ Кроме того, справедливость может содействовать прогрессу тогда, когда она становится выше всех устремлений власти и осознается ею как первоочередная обязанность, моральный долг.

2.3 Мортон Дойч и «закон социальных отношений».

Мортон Дойч (1920–2017) известный американский социопсихолог, исследователь и педагог, который специализировался на социальной и личностной психологии, а также психологии предупреждения военных действий и конфликтологии. В 1986 году он основал Международный центр сотрудничества и разрешения конфликтов при Колумбийском университете. Кроме того, Дойч входил в состав редколлегии многих изданий, был членом американских и международных психологических обществ, и ассоциаций, в некоторых из них в качестве председателя.

Наиболее известными являются исследования Мортон Дойча, связанные с конфликтами, соревнованием и сотрудничеством, справедливым распределением. Он установил, что конфликт может произойти как в контексте кооперации, так и в контексте конкуренции, а процесс урегулирования конфликта прямо зависит от

²⁷ Там же, с. 213.

²⁸ Кант И. критика практического разума//Электронный ресурс: <http://www.e-reading.club/book.php?book=25300>

²⁹ Кирсанова Ольга Викторовна Справедливость и право в этических взглядах И. Канта и Г.В.Ф. Гегеля// Электронный ресурс: <http://cyberleninka.ru/article/n/spravedlivost-i-pravo-v-eticheskikh-vzglyadah-i-kanta-i-g-v-f-gegelya#ixzz4ey7LusmX>

контекста, в котором он произошел. Контекстом конфликта является ожидания и нормы поведения, общие для участников конфликтной ситуации.

Мортон Дойч являлся учеником Курта Левина, и соответственно исследования этого ученого оказали на него значительное влияние. Левин изобретает принципиально новый феноменологический подход, объединяющий в себе две концепции – бихевиоризм и психоанализ. Это позволяет исследовать личностные и межгрупповые конфликты с обеих сторон при помощи эксперимента с использованием определенной методики. Она заключается в том, что в исследуемую группу вводятся факторы, создающие конфликтную ситуацию. Затем в ходе наблюдений за реакцией людей в процессе протекания конфликта фиксируются факторы, влияющие на ситуацию и на их основании делаются выводы о закономерностях конфликта. При этом важнейшей характеристикой группы считают систему взаимозависимостей и взаимодействий между ее членами. Эти характеристики социальных отношений стали основным предметом многолетних исследований Дойча.

Первые эксперименты Мортон Дойч осуществляет в 1948 году, когда пишет докторскую диссертацию. В ней ученый рассматривает сотрудничество и соревнование групп школьников, анализирует процессы, которые лежат в основе поступков, взаимоотношений членов исследуемых групп и способов решения конфликтов. Особое внимание фокусировалось на аспектах доверия –подозрения, переговоры, процесс заключения сделок. Исследования часто происходили в игровой форме, что впоследствии создало «методологию экспериментальных игр, имитирующих необходимые условия для изучения основного вопроса, а именно: что является определяющим в направлении разрешения конфликта (разрушительное или созидательное). В результате был установлен факт: взаимодействие порождает сотрудничество и ведет к конструктивному разрешению конфликта, в то время как соревновательность приводит к конфликту разрушительному. Различаются два типа взаимозависимости целей: способствующая и противоположная, а также два типа действий индивида – эффективные и ухудшающие. В результате комбинаций разных типов взаимозависимостей и типов действий были получены выводы о влиянии их на социально-психологические процессы. Эти данные были впоследствии использованы многими специалистами в области конфликтов. Сам Дойч использовал результаты исследований ситуаций со смешанной мотиваций в разработке Проекта закона социальных взаимоотношений: в типичных случаях то или иное отношение порождает социальное отношение того же вида. Этот закон использовался в экспериментах по справедливому распределению, в результате было получено следующий вывод: принципы распределения – равенство или справедливость имеют четкую психологическую ориентацию: единожды примененные, каждый из них формирует в дальнейшем предпочтение по сходному принципу. Основное внимание и экспериментальный анализ уделяется ситуационной природе конфликта.

Дойч отмечает, что с момента, когда он начал интересоваться и заниматься темой справедливости, он понял в итоге что его большинство его исследований и

трудов из сферы конфликтов по сути могут быть рассмотрены как изучение проблемы справедливости. Напомним, что понимание справедливости состоит в моральном обосновании позиции участников конфликта, а понимание несправедливости – база для возникновения конфликта или же длящейся конфронтации. Несправедливость Дойч рассматривает применительно к распределению, в его исследовании межличностных столкновений распределяемые ресурсы группируются в шесть основных категорий: любовь, статус, информация, деньги, материальные ценности и услуги.

Рассмотрим систему оснований для понимания несправедливости в процессе распределения, согласно Дойчу³⁰:

1. Несправедливость, связанная с характером распределяемого блага (несоответствие блага природе заслуги, некачественные услуги);
2. Несправедливость, связанная с ролями, участвующими в процессе распределения (несоответствие квалификации, личная заинтересованность);
3. Несправедливость, в отношении стиля и времени распределения (тайный характер процедуры, отсрочка по времени при получении награды или наказания);
4. Несправедливость, связанная с ценностями, лежащими в основе распределения (объективное или субъективное несоответствие выбранных ценностей);
5. Несправедливость, связанная с правилами (несоответствие критериев оценки);
6. Несправедливость, связанная с измерительными процедурами;
7. Несправедливость, связанная с процедурами принятия решений (несоответствие способа принятия решений).

Как отмечал сам Дойч, последний тип несправедливостей наиболее важен, так как результаты многих социально-психологических исследований показывают, что в случае принятия решений коллективно, участники этого процесса более склонны считаться с решениями и выполнять их. Если же изначально процедура принятия решений вызывает сомнения тогда и все остальное (принципы, правила распределения и т. д.) также ставится под сомнения. Кроме того, очень важно отметить связь понятия «депривация» (сокращенная или полная потеря возможности удовлетворять основные потребности), а конкретней «относительная депривация» с проблемами справедливости и несправедливости. Относительная депривация есть ощущение человеком неудовлетворенности по сравнению с окружающими, либо ощущение неудовлетворенности, связанное с положением его группы на фоне других групп. Доказано, что чем сильнее относительная депривация, тем сильнее и ярче будет выражено чувство несправедливости. По мнению Дойча, результаты теоретических и практических работ в этой области позволяют сформулировать следующее положение: «любая попытка изменить существующие отношения между двумя сторонами будет принята с большей вероятностью, если каждая из

³⁰ Гришина Н.В. Психология конфликта. 2-е изд. – СПб.: Питер, 2008.

них ожидает получение некоего чистого дохода от перемен, чем если каждая сторона ожидает, что другая выиграет за ее счет».³¹

Труды Дойча были отмечены премиями и наградами. С помощью разработанных Дойчем и Левиным, российский исследователь В. С. Агеев в ходе проведенных экспериментов получил результаты, которые свидетельствуют не только о негативном влиянии межгруппового конфликта, но и о позитивном, кроме того был обнаружен фактор согласно которому протекание конфликта различается в зависимости от уровня развития группы испытуемых.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги проведенного исследования, можно сделать следующий вывод: испокон веков люди размышляли о создании идеально-справедливого общества без конфликтов, но, к сожалению, невозможно удовлетворить одновременно требования всех индивидуумов как минимум по причине нехватки ресурсов. Этот факт, как и стремление к справедливости, обеспечивают общественный и экономический прогресс. В наше время многие считают своим долгом поднять тему справедливости, например, пишут книгу, пополняющую полки с политическо-философскими изысканиями, и спекулируют на борьбе за ее идеалы. Лидеры партий выводят людей на демонстрацию, а то и устраивают перевороты под эгидой восстановления социального равенства. Но как показывает история, такие восстания в реальности практически никогда не заканчиваются воцарением справедливости, ведь сперва победители уничтожают поверженных, а затем «революция пожирает своих детей». При этом отвоеванные ресурсы перераспределяются отнюдь не в пользу всех страждущих.

Одна эпоха сменяла другую, теории о роли справедливости в человеческом бытии рождались и эволюционировали вместе с поколениями людей. Важность справедливости и несправедливости понимали и во времена Аристотеля, и в эпоху Нового времени и конечно же передовые светила современной науки. Учения о справедливости, изложенные в трудах великих предшественников сыгравшие огромную роль в развитии философии, этики, социологии и политологии, сохраняют свою значимость и в наши дни. Современные ученые черпают из творений Аристотеля и Канта идеи, помогающие двигаться дальше по пути познания места справедливости в моделях конфликтных ситуаций. Благодаря этому, в проблематике исследования конфликтов проделана огромная работа учеными различных областей, создано множество теоретических и практических методик по работе с конфликтами.

В результате анализа трудов мыслителей трех исторических вех, можно сделать вывод что понимание справедливости менялось сообразно трансформации социально общественной жизни людей, условий их существования, степени удовлетворения первостепенных потребностей и осознания места человека в масштабах бытия. Последующие поколения

³¹ Там же, с. 292.

философов обращаясь к предшественникам расширяли и углубляли их теории в попытке создания идеального рецепта построения справедливого общества и во избежание войн. Это и Аристотелевская «Этика», и великие труды по «практической философии» Канта, но есть мнение, согласно которому проблема справедливости принадлежит не только плоскости словесной, ведь об одном и том же понятии можно по-разному сказать, а каждая концепция — это некая словесная конструкция, а сказанное по-разному понять. Поэтому особенную ценность приобретают современные экспериментальные исследования таких ученых как Мортон Дойч (и его предшественники и последователи).

В век интенсивного развития принципов свободы равенства и признания индивидуальности конфликт значительно изменил свою форму. Информационные технологии и средства коммуникации формируют менталитет населения в некотором виртуальном киберпространстве. Нынешнему обществу свойственна мультикультурность и многонациональность, сообразно этому необходимо менять подходы к изучению конфликтов и причин их возникновения, формируя заранее модели конфликтных ситуаций можно находить способы предупреждать их на ранних стадиях.

По сей день никому не удалось реализовать в полной мере ни одну социально политическую систему, основанную на какой-либо теории справедливости. В настоящее время фактором, спланивающим людей в стремлении двигаться дальше, является как раз существующая несправедливость. Это она провоцирует на решительные действия, порой даже крайне радикальные. Поэтому очень важно суммировать весь опыт и научное наследие прошлых эпох чтобы избрать правильный путь, при котором общество, пронизанное конфликтами, будет стабилизироваться, а не раскалываться под натиском новых конфликтных ситуаций, спровоцированных в том числе отсутствием справедливости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ/REFERENCES

1. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. «Словарь конфликтолога»: Учебник для вузов. – 2-е изд. перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002, 591с.
2. Анцупов А.Я., Баклановский С.В. Конфликтология в схемах и комментариях: Учебное пособие. – 4-е издание. – М.: ООО «Проспект», 2015
3. Гришина Н.В. Психология конфликта. 2-е изд. – СПб.: Питер, 2008, 544 с.
4. Гурвич Г. Д. Философия и социология права: Избранные сочинения / Пер. М. В. Антонова, Л. В. Ворониной. — СПб.: Издательский Дом С.-Петербур. гос. ун-та, Издательство юридического факультета С.-Петербур. гос. ун-та. — 848 с.. 2004
5. Здравомыслов А.Г. Социология конфликта: Россия на путях преодоления кризиса: Учеб. пособие для студентов высших учебных заведений. — 2-е изд., доп. - М.: Аспект Пресс, 1995. - 317 с.
6. Кибанов А.Я., Ворожейкин И.Е., Захаров Д.Н., Коновалова В.Г. Конфликтология: Учебник / Под ред. А.Я. Кибанова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2004, 240 с.
7. Лосев А. Ф., Тахо-Годи А. А. Платон. Аристотель – М., Мол. гвардия, 1993 – с.364
8. Рикер П. Справедливое/ Пер. Б. Скуратова при участии П. Хицкого. — М.: Гнозис : Логос, 2005.

9. Рябцев В.Н., Шитив М.А. Конфликтология: Хрестоматия – Р., РГУ, 2001 – с.488
10. Соловьев Э.Ю. Категорический императив нравственности и права. М.: Прогресс-Традиция, 2005. 416 с.
11. Шевцов В.М. Межнациональные конфликты: механизмы их разрешения. -М.: ГАВС, 2003. - 44 с.
12. Аристотель. Биография [Электронный ресурс]// <http://rushist.com/index.php/greece-rome/2204-aristotel-biografiya>
13. Аристотель. Никомахова этика [Электронный ресурс]// http://www.lib.ru/POEEAST/ARISTOTEL/nikomah.txt_with-big-pictures.html#5
14. Аристотель Этика (К Никомаху) книга V [Электронный ресурс]// <http://kant.narod.ru/arist.htm>
15. Булгаков В.В., Булгакова Д.В. Понятие «справедливость» на исторических этапах развития общества //Электронный ресурс: <http://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-spravedlivost-na-istoricheskikh-etapah-razvitiya-obschestva>
16. Вилков А. А. Трактовки справедливости и несправедливости и их использование в современных политических процессах//Электронный ресурс:<http://cyberleninka.ru/article/n/traktovki-spravedlivosti-i-nespravedlivosti-i-ih-ispolzovanie-v-sovremennyh-politicheskikh-protsessah#ixzz4eg9TKPnD>
17. Кант И. К вечному миру//Электронный ресурс:https://www.civisbook.ru/files/File/Kant_K_vechnomu_miru.pdf
18. Кант И. критика практического разума//Электронный ресурс: <http://www.e-reading.club/book.php?book=25300>
19. Кант И. Лекции по этике. М.: Республика, 2005. 430 с.
20. Кирсанова Ольга Викторовна Справедливость и право в этических взглядах И. Канта и Г.В.Ф. Гегеля//Электронный ресурс: <http://cyberleninka.ru/article/n/spravedlivost-i-pravo-v-eticheskikh-vzglyadah-i-kanta-i-g-v-f-gegelya#ixzz4ey7Lusm>
21. Каменская М. В. Социальная несправедливость: сущность и проявления // Электронный ресурс: <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-nespravedlivost-suschnost-i-indikatory-proyavleniya#ixzz4egBthmgo>
22. Оленин Н.Н. Человеческое измерение справедливости// Электронный ресурс: <http://cyberleninka.ru/article/n/chelovecheskoe-izmerenie-spravedlivosti>
23. Рождественский Ю.В. Теория риторики [Электронный ресурс]// Libros.:http://www.libros.am/book/read/id/362387/slug/teoriya-ritoriki#ТОС_idp142320
24. Русакова О. Ф. Концепция справедливости в левом политическом дискурсе/ Электронный ресурс: <http://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-spravedlivosti-v-levom-politicheskom-diskurse>
25. Юридический справочник// Электронный ресурс: <http://www.bibliotekar.ru/4-0-2-2-yurisprudenciya/93.htm>

Журнал
НАУЧНАЯ ПЛАТФОРМА «XXI ВЕК»
THE JOURNAL
"SCIENTIFIC PLATFORM "XXI CENTURY"
ISSN 3033-7666 (Print)
ISSN 3033-7674 (Online)

№ 6, сентябрь 2025

<https://episs.ru>

E-mail: nxxivek@inbox.ru

Электронное периодическое научное издание (Санкт-Петербург, Россия)

Свидетельство Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Эл № ФС77-87449

Журнал зарегистрирован и издается в России. Журнал публикует статьи со всех уголков мира и по всем отраслям науки. Журнал издается на русском языке.

Статьи принимаются ежедневно.

Периодичность выпусков: раз в месяц.

Все статьи рецензируются

Каждый автор получает бесплатный сертификат о публикации.

Бесплатный доступ к электронной версии журнала.

Отправляя статью в редакцию, автор подтверждает ее уникальность и несёт за неё полную ответственность за возможные последствия нарушения авторских прав

Редакционная коллегия

Главный редактор

Воронцов Владимир Валентинович

Выпускающий редактор

Иванов Максим Дмитриевич

Ответственный секретарь

Холманских Мария Викторовна

Рецензенты

Димитриенко Андрей Игоревич,

к.м.н., Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет имени академика И.П. Павлова

Пырх Андрей Иванович,

к.ю.н., Санкт-Петербургский государственный университет

Контакты

✉ 190031, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Казанская, д. 35, лит. А, кв. 15

☎ +7 931 712-95-96

✉ nxxivek@inbox.ru

© Учредитель: Общество с ограниченной ответственностью «Полис» (ОГРН 1097847170871)

190031, г. Санкт-Петербург, вн. тер. г. муниципальный округ Адмиралтейский, ул. Казанская, д. 35, лит. А, кв. 15

